

Нина Курило

ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ ОДНОГО ГОДА,

ИЛИ КАК НИНОЧКА НИНОЙ СЕРАФИМНОЙ СТАЛА

Нина Курилло
Девять месяцев одного
года, или Как Ниночка
Ниной Серафимной стала
Серия «Ковчег (ИД Городец)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55335812

*Девять месяцев одного года, или Как Ниночка Ниной Серафимной
стала: ИД «Городец»; М.; 2020
ISBN 978-5-907085-66-4*

Аннотация

«Девять месяцев одного года» совмещает в себе черты школьной повести и любовного романа, однако школу жизни проходят не столько ученики, сколько учительница элитного экстерната – двадцатидевятилетняя Ниночка. Ниночка не отличается ни необходимым преподавателю альтруизмом, ни грамотностью, хотя и любит читать. К тому же она совсем недавно рассталась с мужем.

Календарь романа выстроен «по авторам» школьной программы, которую заново осваивает героиня, воспринимая ее «по-домашнему»: на собственную жизнь она теперь смотрит сквозь призму художественных произведений, анализ которых

часто выливается в воспоминания героини или размышления о высоких материях – сумках и обуви, любви и предательстве, юности и зрелости. Ниночке предстоит пережить ряд личных катастроф, отпустить свою юность, встретить новую любовь и стать настоящим профессионалом – Ниной Серафимной.

Содержание

Роман для классного чтения	6
1	9
2	31
3	52
3,5	68
4	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Нина Курилло

Девять месяцев одного года, или Как Ниночка Ниной Серафимной стала

*Это было, кажется, уже в этом тысячелетии,
но, безусловно, еще в ту эру, когда не пришло ОНО,
то есть ЕГЭ. Короче, светлой памяти реформ
господина Фурсенко и его соратников посвящается*

© Курилло Н., 2020

© ИД «Городец», 2020

Роман для классного чтения

Есть такой замечательный жанр в литературе – называется «роман воспитания». Звучит, может быть, и несколько назидательно, а читатель наш назидательности не любит, но на самом деле жутко увлекательное чтение. Потому что нет ничего более интересного, чем наблюдать за тем, как люди растут, как меняются и оказываются такими не похожими друг на друга, как по-разному видят мир и воспринимают друг друга, читают книги, влюбляются, различают или не различают добро и зло. Особенно это важно для юности, когда эти изменения происходят стремительно и наиболее заметны, когда еще можно что-то исправить, ибо, как заметил великий Лао-цзы (эту цитату я запомнил по фильму Андрея Тарковского «Сталкер»), «когда человек рождается, он слаб и гибок. Когда умирает, он крепок и черств. Когда дерево растет, оно нежно и гибко. А когда оно сухо и жестко, оно умирает. Черствость и сила – спутники смерти. Гибкость и слабость выражают свежесть бытия. Поэтому что отвердело, то не победит».

Автор романа «Девять месяцев одного года» как раз и пишет об этой скрытной нежности и гибкости, излагая историю одного учительства и нескольких ученичеств. На первый взгляд, почти что элитарных: главная героиня романа преподает в частном лицее детям из богатых семей, которые

готовятся поступать в московский университет. Она учит их писать сочинение по литературе – то есть сдавать тот замечательный экзамен, который пока что временно исключен из школьной программы, и я прочитал бы большое сочинение Курилло как очень умный и художественно точный аргумент в пользу сочинения малого. Потому что второе (сочинение малое) действительно учит мыслить, чувствовать, спорить, говорить и спрашивать ерунду, но в этой ерунде и заключено самое ценное в жизни.

Читатель, который прочтет роман Нины Курилло целиком, возможно, задумается: а можно ли считать его педагогическим? Хорошему учителю иногда приходится прибегать к антипедагогическим, ну или по крайней мере не укладывающимся в строгие рамки педагогики методам – о б этом, например, гениальный рассказ Валентина Распутина «Уроки французского». Героиня Курилло похожа на распутинскую Лидию Михайловну женственностью, озорством, азартом и готовностью хулиганить, а еще невероятным чувством иронии и самоиронии. *Docendo docemur* – гласит латинская пословица. Обучая, учимся сами. И Нина Серафимовна, эта двадцатидевятилетняя обаятельная дылда, конечно же, учится у своих учеников. Учит и учится сама. Мне нравится эта книга своей необъективностью, женской взбалмошностью и иррациональностью, потому что так в жизни все и бывает. Героиня не лицемерит, не кокетничает, она хочет устроить свою судьбу, стремится быть счастливой и по-

мочь стать счастливыми своим ученикам, она бьется и играет, страшно живая, непоследовательная, открытая и скрытая. И я ужасно завидую ее ученикам и радуюсь тому, что в русской литературе появился новый роман для классного чтения.

*Алексей Варламов (д-р филол. наук, литературовед,
писатель)*

1

Сентябрь

*Все гонят, все кланут,
Мучителей толпа...*

А. С. Грибоедов

– Я должен вас разочаровать, уважаемая Нина Серафимовна, слово «уезд» как производное от глагола «уехать» в русском языке отсутствует. – На бескровной, водянисто-мучной физиономии Червячили нет и тени улыбки.

Червячила – на самом деле его зовут Вадимом, но так его никто не зовет – вполне оправдывает свое прозвище: длинный, узкий, как одностворчатый шкаф, он уязвляет взгляд какой-то дряблой бледностью, которую оттеняют черные с большим блеском жиденькие прямые волосы до плеч, белая рубашка с распахнутым воротом и темно-синий костюмчик, напоминающий о вихлявых танцах шестидесятых годов: узенькие коротковатые брючки и гаденький, маленький – словно снятый с тщедушного пятиклассника – пиджачок, застегнутый на одну пуговицу где-то повыше пупка. Глаза Червячили – за стильными узенькими стеклышками очков – смотрят куда-то в район моего виска или уха, так что мне трудно определить их цвет – кажется, выцветший голу-

бой. Мне еще ни разу не удалось перехватить Червячилин взгляд, хотя Червячила иезуитски вежлив и даже – не в пример остальным – встает, когда обращается к препода. Препода – это я. Нина Серафимовна. Если вы вздрогнули от такого отчасти неожиданного отчества, то представьте, каково мне – двадцатидевятилетней долговязой бездельнице, которую до нынешнего сентября величали исключительно Нинкой, Нинелью, Нинелью-Шрапнелью, Ниночкой – нет, это раньше, и то – только бабуля... И каждый раз, когда я слышу эту жуткую, незнакомую, но очевидно враждебную «Нину-Серафимну», сердце ухает в бездну, из которой вот-вот выскочит она – неумолимая и безжалостная Нина-Серафимна, доисторический завуч с квадратными каменными икрами, мощным державным бюстом и страшной головой с торчащими шпильками из обязательного пучка... и пылающий взор из-под выщипанных в ниточку бровей... И в тот миг, когда мне удастся спастись – вынырнуть из бездны, чудом избежав столкновения с Ниной-Серафимной, я с особым садистским – или мазохистским? – удовольствием говорю себе: «А ведь Нина Серафимовна – это, Ниночка, ты. Теперь ты. Потому что одна. Теперь одна. Страшная фурия, эриния и вообще черт знает что. И никто тебя, Ниночка, не назовет Нюркой, Никоношей, а еще – почему-то – Никитой и – в особенно пронзительные задыхающиеся минуты – Свиной – да, вот так, на коротком обрывающемся вздохе – какая же ты, Свинына, классная!..» Меня на секунду обдаёт

волной обжигающей звериной нежности, и тут же начинает подташнивать от казенного равнодушия, разлитого в чужом воздухе аудитории...

– Уезд – это обозначение территориальной единицы в царской России. – Голос у Червячилы тоже какой-то водянистый, бесцветный, старинные романисты, наверное, написали бы – «жиденский баритон». – Наряду с губернией или волостью. Ну, скажем, Пошехонский уезд Ярославской губернии. Как-то так... А уезда Чацкого никакого нет – тем более уезда Чацкого из Москвы – как вы изволили выразиться...

И Червячила аккуратненько садится, предварительно обернувшись и посмотрев назад и вниз – за свой тощий зад – убедиться, что стул все еще под ним – предосторожность, надо заметить, совершенно не лишняя, ибо сзади, за последней партой, круглый Вася. Вася-качок, Вася-спортсмен, Вася-болельщик. Свою страстную любовь к известной сине-белой футбольной команде Вася выражает с помощью сине-белого шарфа – чистого, точно он только что снят с манекена в витрине, а также с помощью очень красивого мягкого – видимо, из хорошей замши – пенала – синего с тоненькой белой каймой, с помощью шариковой ручки – белой с синим круглым набалдашником, на котором что-то нарисовано, но мне от доски не видно, а также тетрадей, обложки которых украшены фотографиями неизвестных мне джентльменов в сине-белых и бело-синих трусах и майках... Однако Васе сейчас не до остроумнейших манипуляций со стульями

– хочешь – отодвинь, а хочешь – кнопку или тщательно разжеванную жевательную резинку... В данный момент он, затаив дыхание, внимает каждому слову Червячилиного спича, не вникая – ибо бесполезно – в смысл, но чуя смертный час училки, которую сделали по полной. И не успевает Червячилин тощий зад опуститься на стул, как Вася взрывается ликующим хохотом, напоминая, несмотря на свой вполне оформившийся семнадцатилетний бас, счастливого младенца, когда тот с ложкой в руке и творожком на щеках восседает на высоком стульчике за общим столом и от души, но старательно смеется вместе со взрослыми, делая секундную паузу, чтобы счастливо взглянуть сначала на маму – «А? Хорошо смеемся?», потом на папу – «Ну, мужик, ты и сказал!», а сияющие родители, уже забыв о причине веселья, вновь растворяются в смехе, который есть не следствие искрометного остроумия, но чистейшая – без малейших примесей интеллектуальных усилий – любовь. Так и сейчас одиннадцатый «А», проникнувшись Васиным младенческим восторгом, хохотал.

Смеялись все. Смеялась тихая троечница Виолетта – она, правда, не написала еще ни одного сочинения – собственно потому, что еще не задавали, но Виолетта с ее смиренным темно-русым хвостиком и небольшими серыми глазами на худеньком личике не могла быть никем иным, кроме троечницы. Смеялись – рядышком друг с другом – оба Савелия на задней парте справа – смеялись так, что казалось, и прыщи

на их физиономиях трясутся, подскакивают, сталкиваются в воздухе и приземляются – чтобы вновь впиться в измученную кожу. Смеялась совершенная Зоя – искренне, но сдержанно и благородно, как и подобает стройному совершенству, смеялась, точнее, выдавливала на высокомерно искривленные губы снисходительный смешок Зоина смазливая соседка Мила. Смеялись и остальные – те, чьи имена еще не впечатались в мою память, так что все эти юные весельчаки оставались пока безликим хором, оттеняющим мощное выступление солиста Васи. Однако временное отсутствие индивидуальности не мешало этим безымянным гаденышам смеяться с той же самоотдачей, что и оба Савелия, и Виолетта, и Зоя с Милой. И Вася. Особенно, конечно, Вася.

Не смеялся только высокий глазастый Карен – он что-то писал – и еще мы с Червячилой: не смешно, да ведь и этим не так чтобы очень смешно. Ну, подумаешь, «уезд Чацкого»... Ну, «Пошехонский уезд»... И почему – Пошехонский? Чушь какая-то... Чему смеются? Почему? А почему смеются над Чацким все эти уроды – Тугоуховские и прочие Загорецкие? Ну, зануда, согласна. И пафосный очень. Но ясно же – довели, достали, допекли. И прям спасу нет, как смешно, когда человеку больно – так больно, что только и остается – про себя, самому себе, с изумлением – «Все гонят, все клянут, мучителей толпа...» И вдруг – спохватиться и посмотреть вокруг невидящими глазами – неужели вслух?

И когда так больно, что хочется одного – просто не быть,

вдруг приходит она – восхитительная злость. Не та мелочная, жалкая, унижительная злость, от которой скукоживается голос, а другая злость – парящая и дерзкая – как освобождение, как истина, когда вдруг – уродам в лицо: ну вы – уроды с того света!.. Но нет, не туда: препод так не должен, препод – он же, блин, гуманист. Нельзя детям говорить, что они уроды, даже если они уже не совсем дети и уже совсем уроды, все равно нельзя, так как дети могут расстроиться и повеситься, осознав, что уроды. И им станет мучительно стыдно, что они гонят и клянут того, кто так умен, остер, красноречив и славно пишет, переводит... Стоп. А вот это уже совсем не туда: славно пишет – это про кого угодно, только не про меня.

Думаю, мне в детстве не диагностировали дислексию или дисграфию только потому, что о них тогда у нас слыхом не слыхивали, списывая все на старую добрую ребяческую лень или на общую детскую тупость организма. Возможно, подобное невежество отечественных эскулапов спасло не одного сегодняшнего читателя (подозреваю, что и писателя). И, разумеется, меня, потому что бабуля – без всякой медицинской и какой бы то ни было еще заграничной помощи – читать меня все-таки научила. К третьему классу, но научила. Конечно, я до сих пор не знаю, как правильно пишется – «винегрет» или «венигрет», а когда утомляюсь, путаю слоги, буквы и даже звуки, но читать – читаю. И даже много. То есть не поймите меня неверно: я много читаю не от тяги к знаниям

(в этом никем и прежде всего собою замечена не была), а от общей хилости – когда у меня падало давление, а это случилось часто, бабуля оставляла меня дома, ну и надо же чем-то себя занять.

Вы, наверное, подумали, что я эдакая тургеневская барышня или какая-нибудь чеховская Мисюсь – тонкие запястья, затуманенный взор и всякое такое? Если бы! Метр семьдесят восемь и кроссовки тридцать девятого размера.

– А! – обрадовались вы, – так ты, Ниночка, модель? Или нет – тебе ведь уже двадцать девять – бывшая модель?

Опять нет: неостребованный типаж. Да, да, вердикт профессионала – когда я в десятом классе по секрету от бабули все же пришла в Дом моды – такое огромное здание в центре города, и очень известный профессионал заставил меня встать почему-то на стол, – вердикт был однозначен: не то. Обидно ужасно: отсутствие бюста, общее состояние интеллекта – вполне для модели, но – не то. Типаж, говорит, не тот... а еще сколиоз. Сколиоз – это искривление позвоночника, и если я в майке, вы – от зависти, разумеется, потому что общей моей стройности и длинной шеи никто не отмечал – вы ничего не заметите, но вот в платье с голой спиной – нельзя: мой двоякоизогнутый позвоночник повторяет форму доллара. Понятное дело, не самой купюры, а знака – то есть буквы. Я, собственно, как ни пыталась искривиться перед зеркалом, никакого доллара у себя так и не увидела, но Митя часто рисовал его пальцем на моей голой спине –

вот так, прямо по линии позвоночника... S – самая щекотная буква. Даже когда представляю ее себе, щекотно. И когда пишу – тоже.

А вообще, когда я пишу, то буквы ставлю в произвольной последовательности, иногда даже забегаю вперед, так что одно слово у меня вливается в другое или – наоборот – крутится и крутится вокруг одной самой главной своей буквы, которая звенит, зудит и – сама по себе уже есть это слово, нет – больше, чем слово, она – ось, звук, истина и смысл...

– А как пишется – «ПОшехонский» или «ПАшехонский»? – Карен поднял на меня честные карие глаза и прекратил писать.

– Кажется, По... Какой «Пошехонский»?! Не пиши! – От ужаса, что Пошехонский уезд Чацкого теперь навсегда – пусть и в рукописном варианте, но задокументирован, я сорвалась на крик и даже перешла на «ты». – О господи! Не пиши это!

– Как это «не пиши»?! – возмутился Карен. – Папа сказал: все, debil, пиши, а то в Куршевель не поедешь! Все, сказал, пиши – лично проверю! Ты должен учителя уважать... и учительницу тоже – так папа сказал. – И Карен обратил на меня распахнутый взор.

Издавается? – я старательно вглядывалась в неправдоподобно большие карие Кареновы глаза – а ресницы-то, ресницы – в полщеки! – но ничего в них прочитать не могла. Издавается! – решила я.

– Карен, – я отвела взгляд, – я допустила грубую стилистическую ошибку. Вы же слышали – нет слова «уезд»... Я просто хотела сказать, что... Чацкого... Что Чацкий уехал, что символизирует, что он... уехал...

Нет, какая все-таки сволочь! Нет, видишь ли, такого слова – «уезд»! И что мне теперь делать, если у меня так в тетради написано, и я вызубрила этот уезд ночью, понимая, что на месте ни одной фразы не сложу? А эти гады пишут под диктовку, да еще с традиционными вопросами «а перед “который” запятая нужна?» А ты стой и думай – нужна или не нужна... и это какой, блин, «который», где там у меня «который», если я сложноподчиненными не изъясняюсь?! И как мне, блин, теперь сформулировать, что Чацкий не просто уехал, а от всех этих гадов уехал, от старух этих безумных, стариков, дряхлеющих над выдумками, вздором... от сволочей этих уехал – с их зваными обедами и балами, с их презрительно поджатыми губами, с их Куршевелями, с репетиторами, с маленькими кокетливыми собачками – такими, которые полагаются к французскому маникюру и взгляду сквозь... уехал, не потому что он голодранец или изгой – ха! Ничего себе изгой – с министрами в Петербурге: «с министрами про вашу связь, потом разрыв...», а потому уехал, что он теперь один, потому что смертельный удар уже нанесен – и кем нанесен! Кем?! Да только один человек может нанести такой удар – тот, кто знает тебя как никто, знает лучше, чем ты, знает то, что ты про себя никогда – хоть искру-

тись перед зеркалом...

– Извините, Нина Серафимовна, что вмешиваюсь, – Червячила вежливо поднялся из-за парты. – Вы, видимо, хотели сказать, что отъезд Чацкого – смею вас заверить, Нина Серафимовна: в русском языке имеется слово «отъезд», – что отъезд Чацкого символизирует разрыв героя с косным московским обществом... Косный – без «т» – проверочное слово «косен». – И Червячила сел, посмотрев, разумеется, назад и за себя – за свой тощий зад. Ибо сзади Вася.

Нет, что «косен» – без «т», это я как раз помню, вроде помню... Ну да, славно писать бабуля меня так и не научила. И переводить. Собственно, и в институте не научили – за все восемь лет моего обучения.

– А почему за восемь? – спросите вы. – Неужели, Ниночка, была еще аспирантура?

Какая на хрен аспирантура – с тремя тройками в дипломе – по морфологии, словообразованию и стилистике. И это еще удивительно, что с тремя: как мне поставили пятерку по фонетике, если я слегка шепелявлю, от волнения заикаюсь или вообще затыкаюсь – в смысле молчу, как Галилео Галилей – в общем, почему по фонетике у меня «отлично» – неизвестно. А синтаксис? Почему синтаксис – «хорошо»? Что в нем хорошего, если я не изъясняюсь ни сложноподчиненными, ни сложносочиненными предложениями? А если вы интересуетесь про восемь лет моего обучения, то тут нет никакой загадки, одна голая арифметика – сначала я вылетела по-

сле второго курса дневного отделения – и меня быстренько восстановили на втором курсе вечернего (по благу, конечно: декан – бабулин однокурсник), потом, когда я вылетела после второго курса вечернего, меня восстановили на нем же – в смысле оставили на второй год, – и я, несмотря на то, что у меня была закрыта зимняя сессия, снова сдавала фонетику и теорию литературы – и еще всякую ерунду, которую я освоила, надо сказать, лучше всякой другой – хочешь не хочешь, а с третьего раза и фонетику выучишь. И синтаксис – особенно после того, как декан вызовет к себе и скажет: «Все! Последний раз – и только в память Нины». Мою бабулю, как вы, наверное, догадались, тоже звали Ниной, но не Серафимовной, а более человечно – Никаноровной. И бабуля уже не узнала о том, что я все-таки перешла на заветный третий курс и даже – на шестом курсе – защитила диплом, который, по словам декана, потряс комиссию рекордным количеством орфографических и стилистических ошибок. Говорят, заведующий кафедрой теории литературы даже забрал диплом домой, чтобы читать вслух и наслаждаться слогом, а еще выбирать примеры для курса литературного редактирования – для разделов «правка-вычитка» и «правка-переделка». Вообще-то мне кажется, что правку-вычитку и правку-переделку выдумал Пузырь – мой давний знакомый по первым двум курсам дневного отделения, выдумал, чтобы успокоить меня перед выходом на работу:

– Нин! Да никто от тебя творческих свершений не ждет!

Дети – блатные, за всех заплачено. Расслабься. У них – у каждого! – с вой репетитор, и не один. Твоя задача – гнать программу от Грибоедова и до упора... и ставь оценки. Да, раскадровку занятий я тебе дам – Алена оставила. Ну, проверь посещаемость – за них же деньги платят – иногда родители приходят, интересуются.

Пузырь – с тех пор, как я окончила институт, – удивительно похудел, так что при своем довольно высоком росте мог бы даже казаться стройным, если бы не какая-то мягкая сдутьость, выдающая всех бывших толстяков... а еще бескостные и безвольные руки – брр! ни за что и никогда!.. Пузырь мигал на меня очень розовыми веками и не мог скрыть гордости: а как же! – мало того, что мачо и кандидат наук, так еще и заместитель директора экстерната, профессора Барыбина – по совместительству папеньки Пузыря, такого же, как и сынок, сдутого толстяка с задумывающейся походкой – ну, знаете, когда смотришь на походку такого человека, то тебе становится за него неловко – прямо до физического ощущения неудобства: как будто это ты все время думаешь, как соотнести взмах руки с движением ноги, а также с поворотом туловища и наклоном шеи, да, главное, пожалуй, именно с наклоном, а то и изгибом, или даже выгибом, шеи, потому что некоторые очень высокие и сутулые люди ходят так, словно за ними неотступно следует гувернантка и каждые несколько секунд бьет их линейкой по спине: «Держи спину, держи спину». Эти удары при всей их невидимости настоль-

ко болезненны, что навеки сковали негибкие члены несчастного, так что все попытки не огорчать гувернантку и держать спину прямо привели лишь к верблюдающему вытягиванию подбородка и надуманной величавости медлительного шага, в результате чего вся фигура, поставленная на иксатые ноги, напоминает расщепленный снизу разъезжающийся вопросительный знак. В общем, Пузырь и его папенька, профессор Барыбин, были настолько похожи, что все мои многочисленные и разбросанные во времени попытки вызвать в сознании внушительный образ профессора Барыбина разбивались о шпекинскую фигуру самого Пузыря – с унылым толстым носом, маленькими глазками, тускло выглядывающими, как мутные жемчужины из нежнейшей раковины, из интимно-розовых век. Глазки пытаются выглядеть грозно, но в глубине их мути застыл страх и неверие в свою грозность. А еще, конечно, сведенные пароксизмом жалкой полуулыбки бледно-розовые длинные губы плоского безвольного рта.

Так вот, папенька Пузыря, всемирно известный специалист по приставкам и известный всему институту ловчила – говорят, в старые добрые соцреалистические времена он был комсоргом, профоргом и парторгом факультета – наверное, последовательно, хотя если мне скажут, что одновременно, я не особо удивлюсь, так вот, папенька Пузыря, профессор Барыбин, придумал в постперестроечные десятилетия организовать экстернат – прямо при институте, чтобы облегчить

жизнь деткам богатых родителей, а то бедные богатые детки утомляются ездить сначала в бесполезную школу, а потом к полезным репетиторам. А тут сразу – утром занятия в группах в институтских аудиториях (не совсем, конечно, утром, а часов эдак в двенадцать, чтобы бедные богатые детки успели выспаться и добраться – каждый на личном водителе – до института), а вечером занятия частные – это уже за отдельные бабки и дома у профессуры, куда утомленного ребенка после ресторана или кафе, разумеется, доставляет личный водитель.

– Это, понятное дело, не уровень Рублевки – те в других заведениях учатся, но... В основном отпрыски наших выпускников, есть даже и преподавы – ну, тут отдельная плата – ты же знаешь. – И Пузырь выразительно на меня посмотрел, намекая на мое личное знакомство с деканом.

Мне всегда становилось неловко оттого, что Пузырь переоценивает степень моей близости к верховным кругам института – полагая, что без вмешательства высших сил чудес не бывает, а что как не чудо есть диплом «Тема искусства в поэме Венедикта Ерофеева “Москва – Петушки”».

– У тебя самый спокойный класс: ярко выраженных наркоманов не наблюдается, обычные раздолбаи. Ну, есть футбольный болельщик – тупой, но не злой. У него папа хозяин банка. Есть дочка саксофониста. Есть еще внук – нет, не саксофониста... не помню, как зовут – увидишь, красивый – внук ТАКОГО-то. – И Пузырь назвал известную даже мне

при моей политической амнезии фамилию всенародно известного дедушки красивого внука. – Не знаю, почему его не послали в Оксфорд (думаю, Пузырь имел в виду все-таки внука, а не дедушку, поскольку дедушку в Оксфорд отправлять явно не следовало: в знании английского дедушку заподозрить было сложно, а на русском дедушка выдавал такие перлы, что вся страна охала – Хармс! чистый Хармс!). Но парень хороший, и Алена говорила, что вроде даже не тупой.

Алена – наша с Пузырем однокурсница, стильная блондинка со знанием английского, – провела у одиннадцатого «А» два занятия по литературе и внезапно вышла замуж за английского бизнесмена – видимо, ирландца по происхождению – нет, ну точно ирландец, видела бы, какой рыжий! – представляешь, – Пузырь восхищенно таращил глаза, – красно-рыжий, как на картинке.

Но как бы Пузырь ни восхищался, я ему не верила: весь институт знал, что он навсегда, смертельно, страдальчески влюблен в Алену.

Собственно, из-за рыжего меня и взяли на работу: Алена вышла за него и уехала, а тут пятница и заменить некем – у всех занятия, вот тут-то Пузырь и вспомнил про меня.

– В штат тебя, разумеется, никто не возьмет – без степени ты вообще преподавать не имеешь права... Короче – вторник и пятница – и ты свободна. Ну, разумеется, проверяй сочинения. Будут проблемы с русским, – Пузырь хмыкнул, – звони. И кончай дрейфить – обычные дети, разве что бога-

тенькие.

К пятнице я ненавидела всех обычных детей и особенно богатеньких – я ненавидела тупого, но не злого болельщика, я искренне ненавидела высокопоставленного внука и – от всей души – ненавидела дочку саксофониста и вообще – всех-всех-всех, включая мне пока не известную, но обязательную в каждом классе красавицу-стерву, местную Пэрис Хилтон в гламуре и с сумкой Tod's.

...Как жестоко я ошибалась! Красавица-стерва оказалась совсем не красавицей: Зоя – а ее звали Зоей – была похожа не на Пэрис Хилтон, а на настоящую подиумную модель – какие вошли в моду уже после Клаудии Шиффер, Синди Кроуфорд и Кристи Терлингтон... Знаете, эдакая породистая некрасивость с ломаным профилем узкого бледного лица, а еще неправдоподобно легкие движения и точеные, как будто всегда чуть вздернутые, как бывает у очень худеньких и грациозных детей, плечи. И никакого дешевого гламура: джинсы, майка и блестящие светло-русые волосы, собранные в высокий хвост. Правда, сумка вроде действительно Tod's. Я такую хотела в прошлом году. И в этом хочу. Хотя нет – сейчас я ничего не хочу, даже сумку. Знаете универсальный метод – как легко определить, что у тебя депрессия? Если не хочется новую сумку – это депрессия предпоследней стадии.

Еще в классе обнаружилось два Савелия – они, как Бобчинский и Добчинский, сидели рядышком на последней парте справа и беззлобно тарасились на меня всеми своими

прыщами. Непонятно, почему Пузырь не предупредил о такой оказии – два Савелия, и оба с прыщами, – видимо, хотел сделать сюрприз.

Может быть, вы подумали, что я вру – сразу два Савелия в одном классе – кто в это поверит! Иной раз на всю школу ни одного приличного Савелия не наберется, а здесь сразу два. Фантазерка ты, Ниночка, и идеалистка, – скажете вы. А вот и нет, никакая не идеалистка. Жил же раньше под нами – в смысле под нашей с бабулей квартирой – на первом этаже Варфоломей. Знаю, знаю, вы мне ответите: во-первых, он был один, двух Варфоломеев бабуля уж точно не выдержала бы, а во-вторых, он был не Варфоломей, а Федя. Но бабуля, а с бабулиной легкой руки и весь наш одноподъездный дом называли Варфоломея исключительно Варфоломеем. Врать не хочу, но, по-моему, он откликался. А собственно, было так: Варфоломей – добродушный такой увалень старше меня лет на шесть – ну, да, когда я училась классе в пятом, он был уже студентом – и вот тогда-то, курсе на первом, Варфоломей и проявился во всей своей красе. То ли родители у него на раскопки уехали – они вроде археологи были, то ли они оглохли сразу на все четыре уха, но факт остается фактом: как-то теплой майской ночью Варфоломей (он тогда еще не был Варфоломеем) врубил диско – да-да! не рок, не фанк, а самое что ни на есть старинное разухабистое «БОНИ-М».

– Ра-ра-РаспутИн – лА-ла-лА-ла – Рашн Квин, – колотилось снизу в пол, так что страшно было смотреть на сейсми-

ческую активность ковра.

Я не знаю, наслаждался ли Варфоломей один или с гостями – вибрацию РаспутИна не смог бы перекрыть ни один танцпол, но РаспутИн и прочий «БОНИ-М» ЖАРИЛИ всю ночь. Мне, если честно, даже нравилось, но утром бабуля, дождавшись Варфоломея в подъезде – прямо возле его квартиры, строго и с достоинством сказала:

– Вы мне это, Варфоломей, прекратите!

– Я не Варфоломей... – оробел Варфоломей. – Я Федя. – И затравленно оглянулся на меня.

– Вар-фа-ла-мей! – отчеканила бабуля безапелляционным тоном.

А когда бабуля говорит таким тоном, любому – и даже Варфоломею – ясно: возражать не стоит. И поскольку Варфоломей не возражал, он постеснялся спросить о причинах своего нового имени – а то бабуля рассказала бы ему про Варфоломеевскую ночь и как католики перерезали всех гугенотов. Но, может, Варфоломей «Королеву Марго» читал, потому и не спрашивал...

Но что вы думаете, Варфоломей утихомирился? Ничуть. В ту же ночь продолжились католически-гугенотские страсти по РаспутИну. И тогда на следующий день бабуля не стала встречать Варфоломея на лестнице – вот еще – снова?! – это не в стиле моей бабули! Она спокойненько отправилась к себе в редакцию – бабуля работала литературным редактором в одном толстом журнале, а вечером вернулась с таким

вдохновенным и сосредоточенным лицом, что стало ясно: стратегия грядущей Варфоломеевской ночи уже продумана, осталось только постичь все тонкости тактики. И где-то к одиннадцати часам вечера – только началось «Ра-ра...» – бабуля села за фортепиано. Боюсь соврать, но мне кажется, в платье и даже в туфлях лодочках. Ну а прическа у бабули всегда была что надо – даже не сомневайтесь: представьте себе балерину на пенсии – ну или графиню – не подумайте, ни балериной, ни графинею бабуля не была, просто вид такой. Устроившись за фортепиано, бабуля окинула меня эдаким светским взглядом и сказала: «Совсем ты у меня невежда – не знать ни одного танца – ни вальса, ни фокстрота... да что там – ни одного па из “па-де-катр” – это позор! Прежде всего мне позор! Что сказал бы дед Андрей!» И мы с бабулей обе посмотрели на стену – на фотографию деда Андрея. Но дед Андрей – в военной форме и с зачесанными назад светлыми волосами – только смеялся на нас светлыми-светлыми глазами и был, как всегда, как-то по-киношному красив. И вот под одобрителный взгляд деда бабуля сначала наиграла мелодию, а потом вышла из-за пианино и показала несколько движений – вот так, да-да, так... ладно, сейчас главное – поймать дух танца, точность придет потом, а пока... марш надевать туфли – нет, нет, обязательно те, с каблучком! – снимай ковер – да, да – просто сдвинь его в сторону – и...

Бабуля крепче уселась на табурете перед пианино – и... – Полька-бабочка! – вдруг взревела бабуля.

Я вздрогнула – честно, вздрогнула, – и бабуля как шандарахнет по клавишам... И еще, и еще... и мне: «А ну, Нинка, иди!»

И я пошла! Я не уверена, точно ли это была полька-бабочка или какой иной полонез, но я пошла! Вот это, скажу я вам, был танец – даже не сомневайтесь, какой танец! В общем, пианино гремит, я скачу, каблуками наярываю, еще, конечно, что-то ору... И тут – о чудо! – Ра-ра-РаспутИн затих. И по всему нашему одноподъездному дому разлилась тишина – даже телевизоры везде повыключали, чтобы не пропустить ни одного па нашей свирепой польки-бабочки.

В наши политкорректные времена бабулю уж, конечно, лишили бы всех родительских прав, а меня бы отправили в колонию для трудновоспитуемых подростков. Ну и кому бы от этого было хорошо, спрашивается? А? Явно – не соседям: они ведь только сначала замолчали вместе со всеми своими телевизорами, а потом очень даже поддержали наш танец – прямо как футбольные болельщики – криками и барабанной дробью по батарее. Особенно старался какой-то пронзительный старушечий голос с верхнего этажа: «Давайте, девки! Вжарь, Нинка!» Кажется, это была тощая такая генеральша – в нашем доме жили семьи военных. Мой дед ведь тоже полковник – только он умер за несколько месяцев до рождения – нет, не моего рождения: моего папы.

Вы, конечно, скажете: это слишком красивая и изысканная история, чтобы быть правдой! Это, скажете вы, даже не

история, а почти рождественский рассказ – пусть и майский: таких чудес с исправлениями меломанов и Варфаломеев в жизни не бывает. А я вам отвечу: спросите жильцов одно-подъездного дома № __ в ***-вом переулке, спросите, как звали того парня – он, кажется, переехал, – того парня с первого этажа, который повадился было слушать «БОНИ-М», а потом как отрезало? Ну скажите, как его звали? И вам ответят – Варфоломей...

Так что я в известном смысле закалена – меня сложно напугать каким-нибудь новым Варфоломеем. Но два Савелия – это, знаете ли, даже для меня чересчур.

– А Алена Дмитриевна скоро вернется? – Савелий – тот, который слева, явно не хотел меня обидеть, он просто подетски интересовался, где хорошая тетя Алена.

– А разве вам не сказали, что у вас теперь я?

– Как?! Насовсем?! – Мила округлила глаза и слегка открыла рот – совсем как в Голливуде, когда, даже если выключен звук, видно, что произносят разочарованное WOW. Мила явно гордилась своим WOW: в сочетании с загаром и коротенькой маечкой в принтах оно смотрелось почти естественно.

– Ну, надеюсь, все-таки не насовсем. – Я посмотрела прямо в Милины глаза: «Удавился со своим WOW» должна была прочитать Мила в моем взгляде. Мила прочитала, уверяю вас, прочитала. – Не насовсем, а на девять месяцев – до июня. «У тебя, может быть, дом почти на Рублевке, – про-

должала я смотреть в Милины глаза, – а еще папа с автомобилем с откидным верхом и мама с платьем от-не-знаю-хренкого... но тебе никогда не стать героиней фильма. Максимум – подленькой соперницей/подружкой главной героини... И даже если главная героиня в полной жопе или у нее, скажем, всего одна приличная юбка, она все равно – героиня, потому что она... потому что у нее...»

Я не могла придумать, «что она» или «что у нее», но что она героиня, чувствовала точно. Не отводя глаз, я выдержала паузу и повторила:

– До июня... если мне не надоест. – Лениво сморгнула и снова вдавила взгляд в Милины зрачки.

– А если нам надоест... что у нас учитель с «Пошехонским уездом Чацкого»? – Мила не сморгнула.

Меня как будто ударили под дых.

– Жалуйтесь, то есть стучите. – Я, не выдыхая, слегка пожала плечами и только теперь медленно и не глядя посмотрела на остальных. – А еще читайте Жуковского. Это задание ко вторнику, если кто не понял. Всего хорошего.

И, взяв старенькую сумку модели BIRKIN – единственную мою поддержку в мире юного подлого гламура, пошла к двери, чувствуя, как смешки ударяются в мою выпрямленную спину. И только выйдя из аудитории, выдохнула.

Сентябрь, последняя неделя

*Страшно доски затрещали;
Кости в кости застучали...*

***

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской – их нет,
Но с благодарностью – были...*

В. А. Жуковский

Я была уверена, что Пузырь вечером позвонит и, вежливо побряхтывая, сообщит, что чудесным образом нашелся преподаватель, который по совершеннейшему недоразумению не смог выйти в эту пятницу, но уже готов ко вторнику, и вообще – готов. Но вечером Пузырь не позвонил. Не позвонил он и в субботу, и в воскресенье. А! Так выходные же – догадалась я, позвонит в понедельник – и снова улеглась на диван – лицом к стене, как Гоголь. Но к концу воскресенья я устала лежать и пошла на кухню курить. Я поставила круглое зеркало на стол рядом с пепельницей, закурила и уставилась на себя. Сказать правду? Я себе нравлюсь. Не знаю, признак ли это нарциссизма, инфантилизма, шизофрении или еще

какого-нибудь проявления неординарности, но зеркало меня успокаивает, даже если у меня распухшее и красное от слез лицо или, наоборот, синие круги под глазами – от недосыпа, пачки сигарет на голодный желудок... так вот, мне нравятся и мои зеленые от слез глаза, и наоборот – благородная синеватая бледность лица – очень, очень утонченно! Нет, вы не подумайте – я не то чтобы в восторге от своего носа или подбородка, мне просто нужно видеть, что это я. Как будто что-то родное, что ли. Ну да: я испытываю к себе родственные чувства. Вы меня, наверное, спросите: а неужели, Нина, тебе не хочется, чтобы у тебя – светлые волосы, тонкая талия, высокая грудь... Теоретически – да, но, если по правде – не очень: мне как-то жалко будет вон ту в зеркале с каштановыми волосами – с челкой и хвостом. И чуть-чуть – едва уловимо – лопоухую. Я смотрю в зеркало и время от времени говорю себе: это я. Или нет, даже не так. Я говорю себе – это, Ниночка, ты. У тебя, Ниночка, закончились сигареты, а еще ночь впереди. И даже если ты выпьешь валерьянки, ты все равно не заснешь – на голодный желудок не заснешь... Бабуля говорила – нищий приснится... И тогда – без чего-то двенадцать – я пошла за сигаретами. Раньше я бы ни за что не вышла из дома в двенадцать, да и в десять тоже. Дело в том, что я до смерти боюсь подъездов, лестниц, лифтов – лифтов даже больше, чем шорохов и шагов за спиной, но сейчас мне лифт не нужен – я ведь снова на втором этаже, и можно снова бояться лестничных пролетов. Но не сейчас – сейчас мне

все равно, и я выхожу из гулкового подъезда на залитую лунным светом улицу – там только запах остывающего асфальта, пыльной листвы и вытоптанного газона, щедро сдобренного собачьей мочой, а еще – в нескольких шагах от подъезда – табачный киоск с тускло светящимся окошком. Безмолвная рука в окошке забирает деньги, кладет пачку сигарет и сдачу на блюдечко для мелочи.

Вдруг я ощущаю сзади чье-то присутствие и резко оборачиваюсь: бомжика с одутловатым и синим свирепым лицом уставилась на сдачу. У нее настолько ненавидящее лицо, что мне очевидно: она бы себе ни за что не подала. Непонятно, зачем просить с таким лицом, да еще в полночь. Я, взяв сигареты, ухожу от окошка, чтобы она могла забрать сдачу, и иду к подъезду.

– Выпить хочешь? – раздается сзади сиплый, неожиданно сильный, почти мужской голос – первый голос, услышанный мною за два дня.

Я останавливаюсь.

– Нет, пожалуй, нет. Спасибо. – И, не оборачиваясь, захожу в подъезд.

Вернувшись домой, я – перед зеркалом – выкуриваю сигарету, потом навожу на него суровый палец и пафосно, как герой плаката «Ты записался добровольцем?», говорю: «Ты выдержишь!» И иду спать.

В понедельник утром Пузырь не позвонил. И днем. К ночи стало ясно: придется идти. Идти не из-за бедных богатых

детей – бедным богатым детям я бы предложила идти самим – в известном всем детям направлении. И не из-за Пузыря и его папы – да пошли они тоже! Деньги! Вот высокая побудительная причина занятий во вторник. Если занятие будет сорвано, меня уволят – и нечем будет отдавать долг Пузырю.

Итак, ночь и Жуковский. О чем, Нина, говорит тебе это имя? А вот о чем: Василий Андреевич. Первый русский романтик. Переводчик. Без Жуковского мы не имели бы Пушкина. Элегии. Баллады. «Светлана». «Людмила». «Лесной царь». Все. Дальше Жуковский молчал. И я обратилась к записям. В спасительной тетрадке было: «Лирический герой – юноша-поэт, певец... синтез добра и красоты» (это что за хрень?!), «Жуковский – гробовых дел мастер» (?!!!!). А! – это про «Людмилу» – там же мертвецы, – успокоилась я. И еще какая-то тайнопись – поэзия намека, полутона в «Невыразимом», псих.пейзаж. Неужели я это писала? В семнадцать лет?! Под диктовку бабули, но – я и псих.пейзаж? Мистика! В Алениных записях и того страшнее – мотив воспоминаний и идея двоемирия – причем подчеркнутая двумя красными чертами. Ну и на черта мне эта идея, да еще и подчеркнутая двумя чертами? Что мне с нею делать?.. Нужно, нужно было забрать у Мити компьютер... Но кто знал, что у Алены будет только двоемирие... И я пошла к полкам за томиком Жуковского. Слава богу, есть предисловие – куцее, но есть...

Наверное, я все же заснула, поскольку в десять утра я под-

скочила от будильника...

– Пришла! – разочарованно протянул Савелий слева – тот, что повыше и посветлее. – Говорил же – валить надо – а вы: еще пятнадцать минут...

– Что, эксперимент продолжается? – Мила, с распушенными по плечам волосами, в белоснежных джинсах на бедрах и коротеньком черном топики, медленно перевела скучающий взгляд с моей невыспавшейся физиономии на мою юбку. Мила на секунду задержала глаза – а, все та же юбка-карандаш! Надо же, какая пошлость – лениво отвернулась.

Вот стерва! Нет – чтобы на блузку – блузка-то другая! В тот раз была белая с длинными рукавами, сегодня белая с короткими. Вот спросите любую специалистку если не по гламуру, то по дресс-коду – особенно такую очень умную специалистку со сладкими круглыми глазами и – почему-то – локонами по бокам круглых щек, спросите ее, как быть, если у тебя ни хрена, а нужен деловой стиль? И специалистка, щуря глаза и поджимая неестественно пухлые губы, скажет: если ни хрена, то – блузка! Блузка – вот спасение благородной, но временно стесненной в средствах барышни с необыкновенно богатым внутренним миром. Или, совсем уж на худой конец, – шарфик – конечно, лучше бы от Диор... а в следующий раз – пиджачок. Но все сразу – ни-ни: нельзя выдавать весь гардероб на-гора, тем более если его, гардероба, нету... Я и отложила к пятнице на шарфик, несмотря на то, что я их – шарфики – ненавижу. Теперь – все! Эксперимент не удал-

ся! Никаких шарфиков! В пятницу выхожу а натюрель, то есть в джинсах, а если кому не нравится, пусть увольняет. За дресс-код, а не за профнепригодность. А деньги я пока вернуть не могу.

В воздухе аудитории висело что-то нехорошее. Какое-то напряжение с выжиданием, нет, скорее не напряжение с выжиданием и даже не опасность с подвохом, а подлость с поражением. Я еще не знала, какая именно подлость, но что за ней следует поражение, было очевидно.

– Итак, Василий Андреевич Жуковский, – начала я восхождение на Голгофу, – первый русский романтик. Без Жуковского, как сказал Белинский, мы не имели бы...

– Нина-Серафимна! Извините, что перебиваю... – из-за парты поднялся Карен. – Я вот не понимаю, а почему Жуковский – романтик, а не сентименталист?

Вот оно! Началось. Вот что висело в воздухе! Сентиментализм! Его у меня в тетради не было. И у Алены – тоже. Нет, конечно, что-то всплывало: Ричардсон, Руссо... А! Жуковский переводил Томаса Грея – вспомнила я куцее предисловие к сборнику стихов.

– Безусловно, раннее творчество поэта связано с сентиментализмом, – с облегчением начала я. – Особенно это чувствуется в элегии «Сельское кладбище», которая...

– Нет, это-то как раз понятно, – поднялся Червячила. – Ясно, что романтизм Жуковского – его еще называют предромантизмом или созерцательным и даже пассивным

романтизмом – генетически связан с сентиментализмом. Но что нам дает основания – помимо мотива вещего сна, а также психологического пейзажа – относить творчество художника к романтизму? Что дает нам эти основания?

Сволочь-сволочь-сволочь! Вот что дает основания. Натуральная созерцательная сволочь, если не сказать – пассивная!

– Да, Нина Серафимовна. – Зоя, не вставая, как-то особенно уважительно выпрямила и без того прямую спину. – Я понимаю – романтизм Лермонтова и Байрона, там тема демонизма, там герой-бунтарь... А при чем тут Жуковский? Он ближе к Карамзину. – И Зоя посмотрела на меня ясными серыми глазами.

Карамзин?! Нет, ну ясно было – гаденыши, но чтобы настолько подонки – Карамзин?!

И встал Вася. Вася важно встал и с достоинством изрек:

– Да, я считаю, что Жуковский продолжил традиции Карамазова.

– А не Карамазовых? – радостно всхрюкнул Карен. – Может, братьев Карамазовых?

Васино лицо выразило секундную задумчивость. «А может, братьев?» – читалось на Васином лице.

– Сестер! – закричал Савелий-справа. – Сестер Карамазовых!

Надо отдать должное Васе – Вася заржал первым, просто от радости, что неизвестных ему Карамазовых оказалось так

много.

Если у возраста и есть преимущества – а я уверена, что их нет, так вот, если у возраста и есть преимущества, то это умение не вестись на Васю. Юность на Васю ведется – и ржет вместе с ним, предоставляя мудрой зрелости возможность сгруппироваться, оценить расстановку сил и продумать стратегию боя... Нет, а вот интересно, кто все-таки придумал... Кто срежиссировал? Ясно же как день: эти юные литературоведы – вместе с Жуковским и Карамзиным – меня делают: готовились, паскуды. И не одни, а с репетиторами, так и вижу: «Иван Иванович, а можно повторить Жуковского?» И записывали, гаденыши. И Вася записывал – вместе с Карамзовыми и записывал. Но кто вдохновитель и руководитель?.. А если заглянуть с другой стороны – со стороны человеческого характера – в чьем характере, Ниночка, замечается склонность к подобного рода инсинуациям и провокациям? А, Ниночка? Углуби внутрь себя тяжелый запрос и ответь! И я углубила и ответила: в моем! В моем характере наблюдается склонность к разного рода инсинуациям, провокациям, подначиваниям, намазываниям доски мылом (в пятом классе), массовому мычанию (тогда же). Это когда все мычат с закрытыми губами, и училка сходит с ума от злости, подбегая по очереди то к одному, то к другому, а тот перестает мычать – не дурак же!.. Но какая, в сущности, подлость: ведь это я сейчас должна на задней парте смеяться вместе с Васей, нет – лучше Васи, вместо Васи... Ну что, Вася, от-

смеялся? Вот и хорошо, я готова:

– Итак, о романтизме. – Я делаю вдох и – на широком выдохе: – Я счастлива, что вы столь самостоятельны. Поэтому – самостоятельная. Прямо сейчас. Тема – сопоставительный анализ баллад «Людмила» и «Светлана».

– Это подстава! Нечестно!!! – в Васином вопле звенит детская обида.

– Еще как нечестно, – злорадно соглашаюсь я, – но... знаете что?

– Что? – с надеждой выдыхает Вася.

– А вот что: доставайте листы, убирайте тетради, и – время пошло: тридцать минут.

– Дешевый ход, – хмыкнул красивый внук известного дедушки.

А он без дураков хорош собой – эдакий Джек Лондон или Айвенго: светло-русые волосы, прямой честный нос, твердая линия подбородка и, главное, открытый взгляд серо-голубых глаз.

– Зато действенный, правда? И у меня есть тридцать спокойных минут. Да, можете в виде тезисов или даже развернутого плана – на полноценное сочинение времени нет. И самые одаренные могут вспомнить про «Ленору»: ее Жуковский написал уже в Германии.

Ленору я взяла в том самом куцем предисловии и теперь, честно говоря, очень ею гордилась...

– А можно сдать? – Виолетта, в длинной голубой юбке с

воланами – прямо по подолу, как у какой-нибудь Гретхен, не дожидаясь моего ответа, подошла и положила работу на мой стол. – Я уже написала. – И Виолетта с видом скромницы засеменила назад за парту к своей лучезарной кудрявой соседке Маше.

А! Наверное, Маша и есть дочка саксофониста.

Я взяла Виолеттину работу и пробежала ее глазами.

– А можно вслух? – Зоя с завистью смотрела на меня: видимо, моя физиономия просияла удовольствием.

Работа Виолетты порадовала меня своим лаконизмом.

– Ну, если автор не возражает. – Я взглянула на Виолетту, но та продолжала пребывать в образе Гретхен с воланами и не считала нужным на меня реагировать. И тогда я прочитала вслух:

«В элегиях Жуковского главный герой – юноша. Он поэт, поэтому он читает надписи на могилах. В балладах наоборот девушки. Это Людмила и Светлана. Людмила плохая, потому что не слушается маму, а мама права, потому что жених Людмилы мертвец. А Светлана наоборот хорошая, поэтому ей снится сон. А Людмила уежает с мертвецом в новый дом, который гроб. Страшно видеть своими глазами как приежает мертвец. И в “Лесном царе” тоже страшно видеть своими глазами, как умирает младенец. А еще была Ленора, но она немка».

Не успела я дочитать про немку Ленору, как началось! Вася вскочил и стоя приветствовал Светлану, Людмилу и осо-

бенно – Ленору:

– Вот это готика! – восхищался Вася. – Своими глазами! Страшно смотреть! Круто!

Васин восторг поддерживали оба Савелия и лучезарная кудрявая Маша.

– Тихо все! Слушайте! – вдруг закричала Маша. – Поняла! Людмила, Светлана и Ленора – это... – Маша даже зажмурилась от счастливого озарения. – Я знаю, кто это... Тихо все! Это – сестры Карамазовы!

– Д-а-а-а-а-а! А-А-А! – жажнуло на всю аудиторию. Гоготали все, и даже, кажется, Червячила.

– Да что же это такое! – Виолетта прижала ладони к щекам и в ожидании защиты посмотрела на меня.

И тут я тоже расхохоталась: я вспомнила, что у Жуковско-го было еще «Двенадцать спящих дев» – в книжке с очень красивыми иллюстрациями. Папа мне подарил эту книжку на день рождения – в мягком переплете, но большую и на глянцевой бумаге. Кажется, мне тогда исполнилось шесть. Эти двенадцать дев на иллюстрациях были совершенно восхитительны и все как одна похожи на Офелию с картины Россетти – ну, вы знаете – как Кайли Миноуг в клипе Where the wild roses grow... Выходит, тоже – все двенадцать – Карамазовы.

– Знаете что! – Виолетта отняла ладони от щек и посмотрела на меня с ненавистью. – Вы... Вы... Я готовилась. Сама... А вы... Вы же ничего не объяснили... – У Виолетты

вдруг некрасиво задрожали тонкие розовые губы, на лице начали проступать розовые неровные пятна, и она расплакалась.

И тогда я разозлилась – нет, я же еще и виновата! Не Карен, не Вася с Савелиями и не Маша, а я! Нет, ну нормально. мне устраивают пытку с Карамзиным, мне вынимают душу сентиментализмом, а потом – мне же! – пытаются внушить комплекс вины: а как же – довела, кобыла, маленькую девочку!.. Знаете, такой самый изощренный тип садизма – на него способны только женщины – неважно, маленькие они девочки или немаленькие уже тетеньки... девочки, пожалуй, самые подлючие: дескать, только представьте себе, каким чудовищем должен быть тот, кто вызвал эти слезы... Да эти девочки, эдакие цветочки в юбочках и бантиках... и на хрена она надела эту юбку в воланах? Ей пошла бы джинсовая мини... рюшечки, воланчики, а сами... да такие девочки, да знаем мы таких девочек, да это... – и вдруг я замерла от ужаса, потому что снова вылетела она – разъяренная Нина-Серафимна. Но если в пятницу Нина-Серафимна была лишь невежественной бабищей с чудовищными прорехами в области словообразования, то сегодня – во вторник – она развернулась во всю свою кровожадную мощь: выпустив наманикюренные когти, Нина-Серафимна неслась, чтобы вцепиться – нет, на этот раз не в меня! – в Виолетту. Нина-Серафимна оказалась пожирательницей маленьких сереньких Виолетт.

– Какая гнусность! – воскликнете вы, – какая гнусность

подставлять под удар Виолетту! И тебе, Нина, не стыдно? Тебе не жаль Виолетту?

– Нет! – отвечу я вам. – Мне не жаль Виолетту. Мне хочется одно: чтобы прекратилось это «И-И-И» – на одной ноте. Чтобы перестала подергиваться эта тощая шея с розоватыми нервными пятнами.

Виолетта время от времени останавливалась, но лишь затем, чтобы сглотнуть, набрать воздуха и продолжить свое душевынимательное «И-И-И»... Так ненатуральный плач маленьких детей вдруг обрывается злой паузой – чтобы разлиться мощным и широким «А-А-А». Так вот: Виолеттино «И-И-И» было усеченным «А-А-А».

Ненавижу, когда публично режут. Пусть искренне, пусть от души, но раз на зрителя – значит, режут в назидание, то есть со смыслом. А настоящие слезы не бывают «зачем», они могут быть только «почему». Не знаю, как предпочитаете реветь вы, но я как-то не люблю это делать при посторонних. Нет, поймите меня правильно: я говорю именно о том, чтобы реветь – ну, может быть, еще плакать или рыдать, а не о том, чтобы хныкать, кукситься, гундосить, скулить или ка-нючить. Это – пожалуйста, сколько угодно, как же без этого, это мы умеем.

...Мне пять или шесть лет. Я стою на кухне и монотонно веду «Не поеду, не поеду, не поеду...» Я знаю, что ни крики, ни рыдания не действуют: бабуля просто подождет, когда я закончу, даст мне стакан воды, а потом спокойно скажет:

«Ну все, Ниночка, собирайся! Папа сейчас приедет». И мы с бабулей спустимся вниз – к подъезду нашего одноподъездного дома, где уже будет ждать папа. Он – маленький, худенький, похожий на студента – непонятно, в кого я такая длинная, – стоит и смущенно улыбается рядом со своей старенькой грязно-бежевой «копейкой», и я сяду в папину «копейку», и мы приедем на Проспект Вернадского к папиной тихой и тоже постоянно смущающейся жене Ане, и миниатюрная беленькая Аня в каких-то учительских очках два дня меня будут спрашивать – а почему, Ниночка, ты не доела клубнику? А тебе что – не понравилась окрошка? И я буду есть – чтобы не было таких укоряюще-виноватых глаз папы. И я буду ждать, когда мы снова сядем в папину старенькую «копейку», чтобы наконец вернуться к бабуле.

А если канючить – «Не поеду, не поеду, не поеду», бабуля сначала гневно раздует ноздри, а потом, не глядя в мою сторону, позвонит папе и скажет: «Ну, возьмешь ее на неделю – а то она вам за два дня душу вынет. И в кого такой характер?»

Я люблю, когда так говорят – только не бабуля, а чужие, и даже не говорят, а просто смотрят: «Ужасный ребенок!.. Но что вы хотите – расти без матери». Это лучше, чем плаксиво-сочувственное «Бедная девочка!» и пытливый взгляд – заплачу или не заплачу?..

– Виолетта! – я изо всех сил не замечаю набухающих слезами, виноватых глаз кудрявой Маши. – Виолетта! Я, наверное, не должна была читать вашу работу вслух... Больше не

буду. Мы вообще больше не будем читать работы вслух. А жаль, ведь в некоторых, – я беру в руки листок Червячицы, – в некоторых есть важные вещи. И если бы некоторые не возражали, – я кинула взгляд на Червячицу, тот пожал плечами, мол, давайте, я не против, – я бы зачитала – просто чтоб все записали. Но – раз нельзя, то нельзя.

– Ой, а можно? – Зоины глаза загорелись любопытством. – Интересно же сравнить... Только мою не читайте! – И Зоя засмеялась.

– «Основу баллад Жуковского составляет поэтика ужасного...» – начала я вслух...

Господи, чего только в Червячициной работе не было! Если честно, уверена, что и вам не повредило бы услышать про мотив вещего сна, про «бродячие сюжеты» – от Бюргеровой «Леоноры» до «Линор» Эдгара По, про то, что Светлана – прототип пушкинской Татьяны... но вам же будет скучно – вам подавай покороче, чтобы сразу и образ, и идея. Как у Виолетты.

Виолетта уже успокоилась – толку-то реветь – никто же не смотрит! и сидела с обиженным видом. И тогда я – я, Ниночка, а не Нина-Серафимна – я не сдержалась и дождала свою победу:

– Виолетта! Давайте условимся – никаких эмоций, я не про слезы, а про сочинение: только анализ текста. А страшно вам видеть своими глазами, как умирают дети, или не страшно, – это никого, поверьте мне – никого не интересует.

И все-таки, когда я произносила последние слова, она вылезла – на этот раз не стремительная, а лениво-циничная и криво ухмыляющаяся – Нина-Серафимна. Беспринципная, но назидательная. Не имеющая собственных убеждений, но не верящая в искренний сентиментализм маленьких Виолетт. И тогда я сказала – нет, не для Виолетты, а чтобы исчезла Нина-Серафимна с ее грязным имморализмом, если не сказать житейским ницшеанством, я сказала:

– Просто литература – это никакая не школа жизни... Мы не будем с вами рассуждать о добре и зле, о поисках смысла существования и прочей галиматье. Нам нужно тупо написать сочинение. И поступить. Так что – сухой анализ текста. И больше ничего.

– Это неправильно! – тихо произнесла, не поднимая глаз, Виолетта. – Так нельзя.

Хотите совет? Если до конца рабочего дня куча времени, а вы не знаете, что делать – разбирайте стихи. Берите стихотворение – и дуйте прямо по схеме: основные мотивы, образ лирического героя, лексический строй, метафоры... Даже если вы этого стихотворения раньше в глаза не видели или не помните – такое тоже вполне может случиться, не тушуйтесь: непосредственно на месте все и увидите, а не увидите – вам подскажут – не из человеколюбия – о нет, на это не рассчитывайте! – из инстинкта самосохранения – иначе ведь снова могут дать самостоятельную – на столе только лист и ручка, книги и тетради – убрать. А тут стихотворение в на-

печатанном виде лежит себе в книге на столе, и всем это нравится, особенно Васе: в стихотворении, оказывается, можно обнаружить массу интересного – и даже аллитерации. Аллитерации – это скопление согласных, как сказал Червячила.

– Ты рвеШШШШься, ты воеШШШШь, ты волны подъемлеШШШШь, – самозабвенно шипит Вася.

Вот вы умеете громогласно шипеть? А Вася умеет, и все-все-все, и даже презрительная Мила, отдали должное Василиному умению. Все сказали Васе: шипи, Вася, тебе нужен поставленный голос, ведь ты собираешься стать футбольным комментатором.

– Я хочу стать прототипом Василия Уткина! – гордо объявил Вася, когда я в очередной раз, совершенно искренне, похвалила его аллитерации.

– По-моему, не получится, – засомневалась я. – Если наоборот – в смысле пусть Василий Уткин станет вашим прототипом, то это очень даже может быть. – Я хотела добавить, что Василия Уткина даже просить об этом не придется, но не успела, так как Вася принялся возмущаться по поводу того, что у него отнимают мечту:

– Вы ничего не знаете про прототип! Червячила, скажи ей!

Но Червячила неожиданно поддержал меня: он встал и, ни на кого не глядя, отбарабанил как по писаному:

– «Прото» – значит «первый», «первичный»: например, плазма – это до плазмы. Прототип – это как бы первый

тип, «пратип». Значит, Уткин – это прототип Васи. – И Червячила сел, оглянувшись, разумеется, назад и вниз, за свой тощий зад.

Вася и я, да и все-все-все смотрели на Червячилу с робостью: господи, где же он всего этого понабрался? В смысле, что же это за детство у человека было, если он уже в шестнадцать лет все знает про прототип и протоплазму? И что с ним дальше-то будет? А действительно, что? – задумалась я. А вот, наверное, что: Червячила может вырасти и стать ученым-филологом;

сексуальным маньяком – пока, правда, неясна специализация сексуального маньяка;

модным тележурналистом / редактором глянцевого журнала;

алкоголиком / писателем.

Конечно, возможны и варианты – пункт первый запросто может объединиться с пунктом вторым – ибо почему бы филологу не быть сексуальным маньяком. С другой стороны, что может помешать тому же филологу или журналисту посвятить себя писательскому ремеслу или алкоголизму, поэтому пункт номер четыре, безусловно, вполне может слиться с пунктом номер один и пунктом номер три, но уж, разумеется, никак не с пунктом номер два. Потому что алкоголики, как я слышала, редко становятся сексуальными маньяками, а происходит это, вероятно, оттого, что алкоголики обладают той широтою натуры, которая позволяет им уходить

в мир мечтаний и грез, а также воспоминаний о прошлом, что граничит со сновидениями и даже творчеством, а творчество уже само по себе извращение и не нуждается в дальнейших перверсиях и девиациях. И тут меня осенило:

– Двоемирие! – заорала я. – Точно! Вот почему романтик! Дво-е-ми-ри-е! Есть второй мир – идеальный. Жуковский верит в идеальный мир. Понятно вам?

– Господи, что ж так пугать! – картинно вздрогнула Мила. – Раньше надо было. Сейчас-то чего.

...Вы умеете писать рецензии на сочинения? Нет, не так чтобы: «Тема не раскрыта» – и подпись, или: «Два» – и подпись, или: «Что за бред?», «Вообще козел?» – так и я умею, а так, чтобы любой козел понял, чего у него в работе не достает, а если даже и достает, то все равно козел. И еще чтобы тройная дробь – это когда в первой графе указано количество орфографических ошибок, во второй – пунктуационных – это запятые и прочие тире, а в третьей – стилистических.

– Последнее самое сложное, поскольку тут могут быть ошибки, а могут быть и погрешности, то есть шероховатости и корявости – вот их, – Пузырь, в сером костюме с блеском, в голубой рубашке и розовом галстуке, бросает на меня начальственный взгляд из-за массивного стола, – их надо подчеркнуть волнистой чертой, но в дробь выносить нельзя. И оценки пока не ставь. Просто «см».

Мы с Пузырем сидим в святой святых – кабинете профес-

сора Барыбина. Кабинет что надо: посредине огромной квадратной комнаты лениво поблескивает красновато-коричневый левиафан – внушительных размеров стол, полукругом выступающий прямо на вас, когда вы входите в дверь, – после того как преодолете страх и робко постучите. А после того как ваша робость перейдет в умеренный административный трепет и вы сядете на краешек стула перед начальственным столом, вы сможете осмотреться. Вы заметите и шоколадно-коричневый кожаный диван по левой от вас стене, и тощую меня – с челкой и хвостом, сидящую на диване. Вы поймаете себя на мысли, что где-то подобное уже видели... Ну конечно! Кабинет военачальника Жукова или даже товарища Сталина – если доверять отечественному кинематографу... ну и, разумеется, если убрать тощую меня, ксерокс, компьютер и огромный телеэкран, размазанный по правой от вас стене.

– И вообще, никто же не сказал, что ты обязана проверить к следующему занятию, да хоть через неделю – типа ты занята, много разных дел, лекции... Кстати, а не хочешь походить к декану, он же читает на подфাকে – сам, ну а даже если кого из аспирантов попросит, какая разница? А? Мысль!.. Да, а как у тебя с деньгами? – Пузырь заботливо замигал на меня розовыми веками. – Нет, нет, я не о долге. Тут такая тема: одна девчонка из твоей группы переломала ноги – каталась на роликах. Сейчас в коляске, но врачи говорят, к весне поправится... пока в ногах спицы. В общем, нужен пре-

под, чтобы ездил к ней домой – на Рублевку. Водить будет шофер... Нин! Ну почему гувернантка?! Акт милосердия – тем более за такие деньги! Все, даю твой сотовый – вечером позвонят. Поломайся для вида, но не очень.

И Пузырь, гордый своим великодушием, встает из-за стола, чтобы проводить меня до двери.

3

Октябрь

Цветы, любовь, деревня, праздность...

А. С. Пушкин

О чем можно думать, когда черный «мерседес» везет вас по Рублево-Успенскому шоссе, в окна «мерседеса» заглядывает солнечная октябрьская суббота, справа по борту проносится выложенный круглым булыжником косогор, над косогором – неправдоподобно гладкие стволы каких-то опрятных деревьев, а впереди слева, частично перекрывая вид на дорогу, неподвижной данностью торчит крутой неразговорчивый затылок водителя? Можно думать, что вы в Европе и что вообще вы – Шерлок Холмс и вас везут к важному человеку по делу государственной важности, и сейчас машина остановится, крутой затылок шофера обернется стандартной шоферской физиономией с обязательным носом картошкой, ибо и в Англии людям шоферского звания положено иметь нос картошкой, и важно скажет: «Сэр... то есть, простите, леди! Теперь я должен завязать вам глаза, но это не от недоверия к вам, о нет! Это исключительно в целях вашей безопасности, чтобы враги, когда поймают вас и начнут пытаться,

не смогли узнать адрес!» Так они по-любому не смогут, и глаза не надо завязывать: какой нормальный человек, не знакомый с Горками-9 или Горками-7, сможет запомнить дорогу? Ну, может, какой нормальный человек и сможет, но точно не я: мне, с моей неспособностью найти нужное место, равных нет. Если только Митя. Когда он учил меня водить машину – а у нас с Митей была белая иномарка... к тому моменту, как мы ее приобрели, ее одряхление достигло той степени маразма, когда по очереди отказывают разные органы – иной раз прямо во время езды, так что мы с Митей непосредственно на ходу или, наоборот, во время скоропостижной остановки вынуждены были постигать подробности машинной анатомии – глушитель, молдинг, лонжерон, подвеска... – Так вот, когда Митя учил меня водить машину (а именно из-за этого занятия я и вылетела со второго курса – уже вечернего отделения), мы часто оказывались в незнакомом месте. Собственно, в нем мы каждый раз и оказывались – в смысле каждый раз в новом незнакомом месте. И каждый раз мы начинали орать – я за рулем, а Митя рядом: «...! ...! ...! Где мы?!» Мы орали до тех пор, пока к нам не подходил какой-нибудь местный человек и не рассказывал, где мы. Тогда мы звонили Подкормкину – художнику и нашему с Митей соседу... Ну, теперь Митиному и Ликиному соседу... И Подкормкин тоже начинал орать: «...! ...! ...! Как вы меня достали!» И где-нибудь через час или два Подкормкин подъезжал на своей пятнадцатилетней «девятке»: «Бездельники!

Извращенцы! Трахайтесь дома! Людей мучить!» Не переставая орать, Подкормкин – двухметровый, лысый и нелепый, как грустный динозавр с похмелья, – вылезал из «девятки» и начинал прилаживать буксир. Не знаю, орал ли Подкормкин во время акта транспортировки, но во дворе нашего дома на Маяковской он разорвался так, что я выпрыгивала из машины:

– Ах, бездельники?! Ну все, солнышко, сам ходи к своим продюсерам!

– Нин! Ну чего так сразу-то? – Подкормкин тут же обмякал и ссутуливался.

Дело в том, что Подкормкин – очень талантливый художник и пьяница, как, впрочем, все очень талантливые художники. Подкормкин умел все: он умел рисовать портреты, плакаты и цветы, он умел иллюстрировать книги про мировые катаклизмы и про кошек, он умел придумывать логотипы для телефонных справочников и сочинять солидные слоганы для фирм-однодневок, поскольку фирмам-однодневкам требуются особенно солидные слоганы и логотипы... Подкормкин умел даже самостоятельно выходить на заказчиков, то есть спонсоров или продюсеров – в те времена не делали разницы между этими понятиями и обзывали этими понятиями каждого, кто сумел обзавестись малиновым пиджаком, ногатой секретаршей и офисом – комнатой в каком-нибудь помещении, хотя бы и в гараже. Нет, ну правда: однажды я была в офисе, расположившемся в одноэтажном

деревянном здании при мебельном складе – судя по запаху, офис еще вчера был сторожкой, в которой уютненько спал сторож со своей верной сторожевой дворнягой... Так вот, Подкормкин не умел только одного: вести переговоры с заказчиками. Когда дело доходило до обсуждения финансовых вопросов, он намертво замолкал и настолько свирепо упирали глаза в пол, что заказчик в первое мгновение робел почти до обморока, а потом вдруг догадывался: этот будет работать за копейки. Ну, за центы – в те времена расчеты производились в долларах. И как-то раз на Подкормкина снизошло озарение: нужен свой собственный спонсор. То есть не спонсор, а продюсер, точнее сказать, агент, короче, человек, который будет спесиво ронять: «Торг здесь неуместен!» Или лучше так: «Вы это серьезно?» – и такой спокойно-ироничный взгляд как бы на полууходе. Или снисходительно: «Нет, это несерьезно», – и тоже почти на полууходе и с пожиманием плеч. Но без наигрыша, с полным осознанием своей значительности и даже с полуулыбкой.

– Нет, вот тебе вообще нельзя улыбаться! – Митя гневно таращит на меня глаза. – Сказано же: тупое и непробиваемое чувство собственного достоинства! Что, хочешь все испортить?! Заржешь – убью! Давай показывай!

И Митя с Подкормкиным злобно на меня пялятся. Я, стараясь не хихикать, делаю свирепо-равнодушную морду – я весь день репетировала ее перед зеркалом – да-да, челюсть слегка вперед. В качестве образца Митя предложил взять ли-

цо, точнее, облик и особенно взгляд проститутки – мы специально ездили за этим взглядом на Ярославское шоссе – там по вечерам кастинг сразу за строительным рынком.

...Мы с Митей на нашей белой иномарке (я, разумеется, за рулем – практика есть практика) медленно едем вдоль обочины, и время от времени от строя отделяется какая-нибудь фигуристая фигура и изящно наклоняется к окну. Потом сразу выпрямляется:

– Нет, с девушкой не обслуживаю! – И пластмассовый взгляд мимо.

Или:

– С девушкой двойной тариф! – И тоже пластмассовый взгляд.

– Учись, дура, учись! – восхищенно шепчет Митя. – Вот, кстати: можешь жевать жвачку! Но только молча и с ожесточением!

Итак, я должна изображать Митину свиту, или эскорт. Может быть, секретаршу – Митя же вроде продюсер или директор. Короче, кого-то предельно молчаливого, с длинными ногами в мини-юбке и в шубе нараспашку.

– Почему нараспашку? – спросите вы.

А как же иначе – шуба-то не моя, а свекрови, и выдана до вечера. И хотя свекровь не такая уж корпулентная дама, но все же не такая доска, как я, – и шуба на мне висит, как на вешалке, да и рукава короткие. А если нараспашку, то не так заметно, особенно если сапоги-ботфорты, мини-юбка и

красная помада. Вообще-то Митя терпеть не может красную помаду, но тут – надо.

Может быть, вы спросите, а почему просто не скопировать мимику какой-нибудь западной модели – той же Кристи Терлингтон, например? Ну вы скажете! Под Кристи Терлингтон ни один наш спонсор деньги не выложит: нет у Кристи Терлингтон того самого фирменного взгляда, в котором сразу и «Мрак!», и «Жуть!», и, главное, – «Не учите меня жить!»

Первый же наш с Митей выход в свет, то есть на фирму заказчика – а это, кажется, и был офис при мебельном складе где-то в районе Сокольнической эстакады – первый же наш выход оказался абсолютно победоносным. Не знаю, повлияла ли на заказчика, краснолицего короткопалого пузана, белая, вымытая по этому случаю иномарка, которая, что и говорить, эффектно подрулила по ссаному мартовскому снегу прямо к мебельному офису, красная ли помада вкупе с распахнутой шубой и бесстыжими ногами в прозрачных колготках парализовала заказчикову волю, респектабельный ли Митин костюм возымел свое действие, но заказчик согласился сразу и бесповоротно на все условия и даже тут же выплатил какой-то совершенно умопомрачительный по тем временам аванс, который Митя и Подкормкин спустили за пять дней, чтобы за шестой и седьмой Подкормкин успел нарисовать изображение разных шкафов и кроватей в самых завлекательных позах: «Мебель фабрики “Сосенка и елочка” – по вашему желанию дизайн, комплектация и доставка!»...

– Здесь лучше свернуть на маленькую дорожку, а то век стоять будем. – Крутой водительский затылок обернулся-таки носом-картошкой и маленькими добродушными глазками. – Уже и по субботам пробки! – И снова передо мною затылок, но одновременно и маленькие глазки, улыбающиеся в зеркало заднего вида.

Мы сворачиваем на дорожку прямо в лес, и вдруг вдалеке – коровы! Нет, ну реально – коровы! Штуки три! Как на картине – прямо тебе «малые голландцы»: бело-коричневые, чистенькие – коровы, разумеется, а не малые голландцы... да еще на фоне опушки, залитой мягким солнечным светом.

– Коровы! – ахаю я.

– Ты что, коров не видела? – смеются маленькие глазки в зеркало заднего вида и даже оглядываются на меня.

– Да видела конечно! – уверенно говорю я.

А когда я, собственно, их видела? А правда, когда? На даче, как известно, коровы не водятся. А в деревне, в настоящей деревне – чтобы с бабусями в платочках, с веселыми гусями, с колодцем и с гармошкой – я ни разу не была. Вот потому-то я, наверное, и бездельница, что не была в деревне. Ведь Пушкин что говорил? Не помните? А я помню – меня бабуля заставила выучить: «Москва – девичья, Петербург – прихожая, деревня же наш кабинет». Это из «Романа в письмах». Мне почему-то ужасно нравится, что Москва девичья и что деревня – кабинет – еще больше нравится... А что, очень даже понятно: просыпается такой молодой Пуш-

кин и, даже не разомкнув сонные вежды, чувствует: там, за распахнутым окошком, нежная влажная травка под босыми ногами прекрасных поселянок, запах земляники, бесконечная юность... И сразу – прыг из кровати – прямо как есть, в белоснежной батистовой сорочке до полу, и – к столу, и – хватать перо! чтобы не расплескать и солнце на подушке, и прозрачную салатовую тень от ветки, вбегающей в распахнутое окно... И – никакой работы, а только праздность вольная, подруга размышленья...

– Понятно вам? – говорила я вчера в аудитории, обращаясь ко всем вместе и ни к кому в отдельности, но больше всего, конечно, не к Савелиям, как-то особенно мучительно изнывавшим от анализа ранней лирики Пушкина. – Вам ясно, что праздность – это не безделье, не ленивое ничего-неделание, как на Таити, а... – и тут я задумалась: а что «а»? Какой подобрать синоним к слову «праздность»?

– Может быть, «вдохновение»? – предложила Зоя.

Зоя, с блестящими волосами, собранными в аккуратный пучок, в черной водолазке без рукавов и узкой темно-серой юбке до колен, напоминает молоденькую актрису, пришедшую на кастинг – пробоваться на роль бизнесвумен. Образ слишком безукоризнен, чтобы быть правдой, и ясно же – никто не поверит, что вот эдакое совершенство с острыми локтями и коленками всего лишь какая-то бизнесвумен. Ну, может быть, кто и поверит, но только не красивый внук, который измучился огибать взглядом Милу, загораживающую

Зоин полупрофиль. Вот уж где подлинное вдохновение, вот уж где праздность вольная – так это в его, внуковом, взгляде, в котором, однако, время от времени проскальзывает досада, когда Мила оборачивается, или встряхивает волосами, или еще как-то перекрывает светлый путь – путь от гелевой ручки, которая что-то царапает во внуковой тетради, до черной водолазки без рукавов.

Надо же, как забавно! Забавно и немного грустно: я ведь никогда не видела этот взгляд со стороны! А только – пусть и на какие-то доли секунды – в упор.

– То есть ты хочешь сказать, Ниночка, – саркастически щуритесь вы, – ты хочешь скромно сообщить, что именно ты всегда была под прицелом такого взгляда?

Да, да, да! Именно это я и хочу сказать: этот взгляд я раньше только ощущала, потому что раньше – в школе, в институте, да мало ли где, хоть в вагоне метро! – этот взгляд был обращен на меня. И я чувствовала его ухом, затылком, коленкой, скулой, чтобы вдруг неожиданно обернуться и перехватить, пока он не ускользнул, пока не юркнул в показное равнодушие или в острейший интерес к надписи «Уступайте места пассажирам с детьми и инвалидам!», пока наконец не превратился в мучительное, заливающееся краской смущение – смущение почти до слез, до обжигающего щеки стыда, но никогда – до злости, потому что такой взгляд может быть только там, где чистота, там, где...

– Вдохновение? Может, и вдохновение... – говорю я. – Но

все-таки праздность – это еще и покой, и гармония, и еще что-то...

– ...А врешь! Не видела ты коров! – нос-картошка вдруг снова оборачивается и смеется мне в лицо. – Ну, если по телевизору...

– Ну хорошо, не видела. – Я тоже смеюсь. – Так уж получилось. Скоро тридцать, а коров не видела, виновата.

– Тридцать? Да ладно! – картошка бесцеремонно разглядывает меня в зеркало заднего вида. – А вид у тебя несолидный – для тридцати-то... Ты уж не обижайся, – спохватывается картошка.

– Да кто же на комплименты обижается?

Но картошке и в голову не приходит делать комплимент: для картошки несолидный вид – это вид худосочный, да еще в потертых джинсах, одним словом, тьфу, а не вид!

«Худая корова еще не газель!» – любила повторять моя свекровь, светски улыбаясь – мол, это я не про присутствующих.

– Ниночка вовсе не худая, а стройная, – пытается сгладить неловкость гостя – мощная пятидесятилетняя тетка из министерства, ради которой свекровь и закатала ужин с салатами, запеченной курицей и мороженым на десерт.

К этому судьбоносному ужину у себя на Селезневке свекровь готовилась едва ли не месяц: свекор закупил партию вина – в те времена найти хорошее вино было непросто даже человеку из министерства.

Мы с Митей должны изображать дружную молодую семью, проявляющую уважение к благообразному, похожему на советского разведчика папеньке и особенно к маменьке – свежей не по летам, нет, ну правда, свежей натуральной блондинке: в меру пышной и в меру вальяжной... А сорокалетней коренастой приживалке Люсе по случаю грядущего нового назначения свекра пожаловано позапрошлогоднее свекровино платье. Платье отливает благородным металлом и потому очень гармонирует с оправой Люсиных очков, а еще оно до того туго натянуто на мощных Люсиных боках, что кажется, что это и не платье вовсе, а атласный диванный чехол – того и гляди лопнет на упругой до каменной непробиваемости диванной подушке.

– А сколько вам, Ниночка, лет, если не секрет? – не унижается госпожа министерша. – Двадцать девять? Ну надо же! Ни за что бы не подумала. Как вам это удастся?

– Элементарно: замедленное развитие. – Митя сосредоточенно, ни на кого не глядя, обглаживает куриную ногу. – Она, кстати, продолжает расти. Когда я на ней женился, было метр семьдесят семь, а сейчас метр семьдесят восемь.

– Неужели? – теряется тетенька и с жалостливым любопытством смотрит на меня.

Я стараюсь не выпасть из образа почтительной невестки и хватаюсь за спасительную курицу. Больше хвататься не за что: Люся пересолила все салаты. Я, даже не поднимая глаз от тарелки, вижу, как у свекрови глаза белеют от злости, а

свекор, тоже не отрывая глаз от курицы и дергая шеей, судорожно проглатывает кусок, а у Люси – она сидит подле свекрови, чтобы вскакивать как ошпаренная и подавать напитки и пироги, – у Люси запотевают очки от предчувствия вечернего шоу, в котором ведущая партия, разумеется, у свекрови: «Вредители! По-человечески же просила! Прийти в платьях... то есть в платье и костюме с галстуком! Не выступать! Отцу новое назначение! Что? Только мне это нужно?»

Но сейчас за столом наш, то есть Митин, выход. Собственно, Мите ничего и не нужно делать – поддерживай себе светскую беседу.

– А кто вы, Ниночка, по гороскопу? – министерша принимает еще одну героическую попытку вывести разговор на должный уровень светскости.

– Жаба она! – мрачно роняет Митя.

И тут мы со свекром не выдерживаем и начинаем хохотать, невзирая на зловещее молчание на том конце стола, где исходит безмолвным бешенством свекровь и потеет в очки полузадушенная свекровиным платьем Люся.

– Как – жаба? – госпожа министерша замирает, но лишь на одну растерянную долю секунды и вдруг с радостью присоединяется к нашему хохоту. – Жаба? Я завтра же расскажу в отделе. Ха-ха-ха! – министерша прихихатывает светским баском. – Жаба по гороскопу – это замечательно! Кстати, Митя! А почему бы тебе не пойти к нам? Ты же, кажется, журналист?... Ну вот! Нам нужна живая молодежь! Свежая

кровь!.. Жаба!

Вечером свекровь неистовствует:

– Идиот! Бездельник! На блюдечке – готовое место работы! И делать-то ничего не нужно!

– Мам! Мы же вроде хотели папу пристроить? Ну – и скажи спасибо. Нельзя же, чтобы сразу вся семья. Пусть папа ничего не делает в министерстве – на новой должности, я хотел сказать. А я как-нибудь так.

– Не смей! Не смей про отца!

– Мам, да ладно тебе! – И Митя снисходительно целует свекровь в макушку. – Да, мам, ты нам не подкинешь?..

...Вы меня, разумеется, спросите:

– А тебе, Ниночка, не стыдно было сидеть на шее у свекрови? Жить на ее деньги?

Ну, во-первых, это не ее деньги, а свекра: он же трудится в министерстве – теперь на новой должности. А во-вторых, нет, не стыдно.

– Да ведь ты, Ниночка, тунеядка и бездельница! – качает головой вы. – Свекровь-то может не работать: она – мать семейства! А ты – тьфу! Люди должны трудиться на благо общества или грядущих поколений!

А плевать я хотела на ваши грядущие поколения! Вон они – сидят себе все в прыщах и хамски меня изучают, спокойно так, даже не отводя глаз, как будто я музейный экспонат, скажем, Аполлон Бельведерский. Или Давид. И еще впечатлениями обмениваются, эдак лениво, даже не поворачивая

головы кочан, как заправские мачо:

– Не, фигура отстойная... – это, допустим, реплика мачо Савелия – допустим, Савелия-справа.

– А рожа ничего себе так... А как ты думаешь, она ...? – это, допустим, мачо Савелий-слева.

И все в таком роде, и подслушивать не надо. А ты стой и молчи, как будто не понимаешь. Ведь если ты препод – ты как поп-звезда: тебя только ленивый не обсудит, а ты только и можешь: «Не вижу ваши ручки... Достаньте ваши ручки и записывайте...» И стоишь ты перед грядущими поколениями – весь как есть на просвет, словно Давид в Пушкинском музее – без одежды и даже без последнего фигового листка.

И ты должен стоять и терпеть, потому что это твоя работа. РА-БО-ТА. Ненавижу это слово. А еще ТРУД. «Мир, труд, май!» – был такой лозунг в моем детстве. Я уже тогда была убеждена, что второе слово здесь явно лишнее, – против мира и мая я никогда ничего не имела. Но вот труд упорный мне с детства тошен. И серьезный человек, который встал в шесть, в семь съел положенный завтрак из овсянки и еще какой-нибудь полезной дряни и пошел трудиться – этот человек мой личный враг! Потому что я убежденная бездельница. Да, я идеологически выдержанный и морально устойчивый лодырь! Да я на все пойду, лишь бы ничего не делать! Да я горы сверну, лишь бы не трудиться!

– А разве тебе не приятно, получая деньги, зная, что ты их честно заработала? – удивитесь вы.

Нет, искренне отвечу я вам. Я не испытала ни малейшей радости от того, что Пузырь выдал мне деньги, а я расписалась в какой-то ведомости. Но, может быть, в вашем вопросе ключевое слово не «зарабатывать», а «честно»? Тогда мне и вовсе нечего вам сказать, потому что нечестно я тоже никогда не зарабатывала. Допускаю, что это может быть весело. Неслучайно у торговцев фруктами и подержанными автомобилями, у чиновников и работников жилищно-коммунальной сферы такие прихихикивающие бегающие глазки. Мне кажется, глазки у них бегают не оттого, что им деньги нужны, а от азарта, который сродни даже похоти...

— Еще десять минут, и мы на месте. — В зеркало заднего вида на меня с беспокойством посматривают глазки водителя.

Наверное, глазки заметили, что меня укачало — не столько от езды, сколько от истошного запаха земляники, источаемого картонным ароматизатором, висящим под зеркалом заднего вида.

— А ты, значит, Варьку литературе обучать будешь?

— Да, если сложится.

— А чего ж не сложится? Варька девчонка хорошая. Да и мама у нее добрая.

Мама у нее добрая! Хорошо хоть не сказал «хозяйка». А мог бы: ведь кто она для него? Вот именно — работодатель. И для тебя, Ниночка, тоже. Так что можешь сколько угодно думать, что ты Шерлок Холмс и тебя везут к важному лицу по

секретному делу, а на самом деле ты всего лишь обслуживающий персонал. И тебя, как последнюю тощую гувернантку, по-барски отправят обедать – на кухню, вместе с садовником, кухаркой и прочей дворней, а уже потом – к барышне.

3,5

Октябрь – продолжение

*Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка...*

А. С. Пушкин

...А барышня, возможно, мила и даже временно человечна: ей грустно и нельзя танцевать. И пухнет барышня от безделья, интернета и чипсов с колой, разумеется, диетической. А добрая мама грустной барышни пухнет от злости, причина коей – неразрешимый конфликт, как в греческой трагедии, – это когда сталкиваются страсть и долг: страсть влечет добрую маму в спа-салон и в молл – там распродажа летней коллекции хрен-его-знает-чего от хрен-его-знает-кого, долг же повелевает остаться с больной инфантой, которая задолбала уже своим Эминемом... А еще добрая мама наверняка накачана силиконом по самый педикюр.

Когда-нибудь, лет через пятьдесят, мы будем восхищаться этими женщинами-первопроходцами, проложившими своими телами путь в эру пластической хирургии. И вы, в вашем прекрасном силиконовом далеко, в те светлые дни, когда апгрейд тела станет не более удивительным, чем обновление операционной системы компьютера или автомобиля,

вы вспомните изуродованные лица тех, кто подарил вам спасение! Да-да, спасение, ибо красота спасет мир. Посмотрите на эти лица... Не смейте отворачиваться или, хуже того, хихикать над франкенштейном с раздутой губой и съехавшей к уху обездвиженной щекой с интенсивно подергивающимся верхним веком над слезящимся глазом – результат задетого тройничного нерва... Не отводите взгляд и представьте себе... ну, скажем, героического кролика – ну, хорошо, крольчиху, которая сама (sic!) мужественно оплачивает (кредиткой мужа, разумеется) акт своей вивисекции... Или нет, даже не так: вообразите себе остров доктора Моро и самого доктора Моро, который выходит к своему звериному народу и объявляет: пумы! пантеры! а также львы, орлы и прочие куропатки! Сегодня я буду вас пытаться за пятьдесят тысяч баксов, но только двоих из вас! Нет-нет, я сказал – двоих, а не всех... да не суйте мне свои кредитки!.. толпиться бессмысленно – кусать соседей – тем более. Тубо! Фу! Стоять!.. Остальные – на следующей неделе, запись у собаки Павлова... Да не толпитесь же!..

И когда вы взглянете в эти перекроенные лица, вы поймете: быть женщиной – великий труд...

Догадываюсь, что вы хотите спросить: «А зачем же ты, Ниночка, согласилась ехать в эту силиконовую долину, если тебе плевать на деньги?» А и правда, зачем? Изучить повадки, вкусовые пристрастия и прочее в этом ареале обитания? Может, и так, но, наверное, я просто не знаю, что делать со

всем тем временем, которое мне осталось. Что делать со всей этой осенью, в которой нет Мити, то есть меня с Митей, то есть меня, то есть осени... тьфу! короче, вы поняли...

Потому что нет ничего лучше, чем осень, когда ты идешь от института пешком – в никуда или просто в октябрь, потому что октябрь так мимолетен, что его легко прозевать, но сейчас он здесь – с городом и солнцем влюблен в тебя, он нескромно треплет подол твоего смешного короткого темно-синего платья в красный цветочек... Смешного потому, что до колен, а ниже – тощие ходилки, растущие из грубых, тяжелых, почти мужских, башмаков.

– Ну точно пальма из кадки, – смеялась утром бабуля. – И при чем тут джинсовая куртка? Она же велика на три размера... Не лучше ли надеть плащ – октябрь на дворе...

...Потому что нет ничего лучше, чем юный октябрь, когда солнце дурачится, то ныряя за высокий кирпичный дом, то мягко скатываясь тебе на нос, а улица пятится от тебя вместе с автозаправкой, автобусной остановкой и загорелым белобрысым мальчишкой в линялых джинсах и голубой рубашке. Мальчишка неизвестно откуда нарисовался, и на самом деле уже и не мальчишка – наверное, немного старше меня... Но он смешно шагает задом наперед, чудом не налетая на добродушных прохожих, он размахивает руками, хохочет мне в лицо и счастливо орет:

– Я не переживу, если вы уйдете из моей жизни!

– Классная заготовка! – я тоже смеюсь. – А что обычно

отвечают?

– Я в нее и не входила! – мальчишка жеманно поджимает губы и на секунду останавливается.

Я едва не налетаю на него:

– Не смешно! Еще!

– Умри, несчастный! – Мальчишка возобновляет шаг за-
дом наперед.

– Так себе... А ты типа такой отвечаешь: спаси, о велико-
душная!

– Вроде того.

– Да ну... все варианты уже разобрали... А, наверное, са-
мый распространенный: еще как переживешь! Или – придет-
ся пережить. Да?

– Вообще-то, – он прыжком перестраивается и идет уже
рядом, в ногу со мной. – Вообще-то чаще просто называют
имя... Я, кстати, Митя.

На переходе я узнала, что Митя живет на Маяковской, в
квартире бабушки. Бабушка умерла два года назад... Воз-
ле магазина «Русский лен» я была в курсе, что Митя окон-
чил факультет журналистики и теперь ищет работу... точ-
нее, предки ее для Мити периодически находят. Рядом с ма-
газином «Дары природы» стало известно, что Митя терпеть
не может дичь и креветки, зато любит манную кашу и чер-
носмородиновое варенье, а также пирожки с мясом, с капу-
стой, с картошкой, с зеленым луком и яйцом, музыку Джор-
джа Бенсона и Херби Хэнкока, а бледная полоска над верх-

ней губой – последствия хоккея во дворе дома у бабушки, точнее клюшки Подкормкина, который и в школе был таким длинным, что, когда Митя как-то выскочил из подъезда, клюшка пришлась ему аккурат по губе, хорошо, что зубы целы остались, а журналистика Митю вообще-то не интересует, но это лучше, чем право, но хуже, намного хуже, чем слэпом на бас-гитаре...

Недалеко от МИДа Митя спросил:

– Ты замуж за меня пойдешь?

– Когда?

– Завтра.

– Завтра пойду.

– Нет, завтра не получится. Завтра только документы подадим. А замуж через месяц. Идет?

– Идет.

Вы, наверное, подумали, что я так легко согласилась, потому что мне никогда предложения не делали? Ха! Да я их считать устала, ваши предложения, – нет, ну начальные классы школы не в счет, конечно. Я про вменяемый возраст – после шестнадцати. Ну ладно: было одно. Но экзотическое – оно исходило от мамы жениха, то есть жених, может, и не знал, что он жених, он был соседом и бывшим одноклассником моей англичанки, довольно молодой вертлявой брюнетки, живущей где-то рядом с метро «Динамо». Уж не знаю, где бабуля ее отыскала, но английский англичанка знала хорошо. Так вот: англичанкин одноклассник повадился зави-

сать у нее во время наших занятий. Я очень радовалась одноклассниковым приходам, поскольку они приходились на самое ужасное – согласование времен, перфектные формы, причастия... а еще модальные глаголы, местоимения... Я толком и не помню теперь, как этот сосед и одноклассник выглядел – вроде высокий шатен с бородой, а может, и брюнет... Но маме его я чем-то приглянулась: в одно из занятий, после того как сосед выпил весь кофе на кухне, где я, разумеется, тоже ошивалась, его мама и заскочила якобы за спичками. Или за солью. Да-да, именно так все и было – мама, невзрачная такая остроносовая мышь, продефилировала непосредственно в комнату для занятий и сообщила что-то типа: «здравствуйте, я соседка якобы за спичками»... ну или за солью – я, собственно, не вслушивалась в ее соль и спички. Я радовалась временной отмене системы английских времен... А потом, когда соседка со спичками или солью узнала, что я сирота (вообще-то неясно, кто ей выдал эту дезу: папа-то у меня, как вам известно, жив себе в Америке по контракту вместе с женой Аней), так вот, когда она решила, что я круглая сирота, то обрадовалась не на шутку: «Возникать меньше будет!» – заявила она моей англичанке. Не верите? Я тоже не поверила, но англичанка клялась, что так и было. И тогда я попросила передать моей неудавшейся свекрови, что папа у меня есть, а еще бабушка, и поэтому возникать я буду...

А когда меня впервые увидела Митина мать, в ее взгля-

де было: «Вот оно! Я знала, я всегда знала!» И тут-то мне и стало понятно, кто я такая на этом свете: я – материализовавшийся ночной кошмар моей свекрови. Вообще у меня сложилось ощущение, что с самого Митиного рождения свекровь ждала от него какой-то пакости, и когда появилась я, она, оправившись от первого шока, даже с некоторым облегчением вздохнула: ну что ж, лучше это, чем, упаси господь, джаз. Как я узнала позже, свекровь ничто так не пугало, как невеста откуда взявшееся Митино увлечение джазом – никто в их добропорядочной министерской семье в джазе замечен не был. Вообще-то свекровь напрасно боялась: к классическому джазу, который слушала моя бабуля, Митя был довольно равнодушен, отдавая предпочтение стилям фьюжн, джаз-рок и даже соул.

...А Горки не случайно называются горками: переулочек между высокими каменными заборами то скатывается вниз, то взмывает к молочно-белой глухой стене. Стена качается и плывет, плывут коричневые гофрированные ворота гаража, подпрыгивают поднятые в немом приветствии пушистые лапы елок, истерическим маятником пляшет земляничный ароматизатор. Утренняя овсянка подкатывает к горлу, сквозь оглохший пульсирующий ритм в ушах прорезается радостное «Приехали! Вам удобнее выйти здесь, а я загоню машину». Качка прекращается, но переднее сидение продолжает плыть и плыть... лучше не смотреть, упереть невидящий взгляд в никуда – в воображаемую точку прямо перед

собой... Правую щеку обдает волной свежести, и я чувствую холодеющую испарину на лбу: кто-то открыл мою дверь. Я неловко выношу отяжелевшую ногу за порог:

– Нет-нет! Все хорошо, я сама.

– Да вы совсем зеленая! Алексей! Да брось же ты машину – помоги дойти! – в молодом женском голосе высокими нотками вибрирует беспокойство.

Я чувствую, как тяжелая мужская рука бережно берет меня под локоть и ведет куда-то вперед: я старательно смотрю только перед собой – на посыпанную разноцветным гравием дорожку, и знаю, что любое движение глаз может обернуться новым приливом дурноты.

Мне настолько нехорошо, что почти не стыдно. Понятно, что позже стыд непременно придет: еще бы – выдавать предморочные фокусы в незнакомом доме. Да еще в присутствии хозяйки дома – меня уже усадили в кресло в большом светлом холле, и я сумела сфокусировать взгляд на обладательнице обеспокоенного голоса, высокого, немного капризного, но совсем не жеманного. Такой голос бывает у девчонок, которые с детства уверены, что все их любят, сколько бы этим девчонкам ни было лет. У хороших девчонок.

Очень маленькая и очень тоненькая молодая женщина в белой футболке, темных спортивных штанах и резиновых шлепанцах стоит передо мной и внимательно в меня всматривается. У нее темно-рыжие волосы, стянутые в хвостик, и остренький подбородок хитренького миловидного лица.

Легкая посадка головы и общая грациозность выдают хореографическую подготовку.

– А вы – не? – В ее глазах нет ни отвращения, ни осуждения, а только доброжелательный и в то же время почти профессиональный интерес.

– Я – не?...?.. – пытаюсь вникнуть в суть вопроса, я тупо смотрю на нее. – Простите?... Ах, нет, я не беременна... Просто укачало в машине. Знаете, когда сама за рулем, все нормально, а когда водитель...

– А почему вы не на своей? Боитесь незнакомой дороги?

– Да нет... Осталась у бывшего мужа... Нет-нет, не подумайте: он бы отдал, я не захотела.

Странно, меня почему-то не смущают ее бесцеремонные, в сущности, вопросы: что-то в ней есть такое, что позволяет мне с легкостью отвечать. Мне нравится, что меня спрашивают, как...

– ...как к вам обращаться: Нина Серафимовна или просто Нина? Я Юлия Михайловна, но можно Юля. Наверное, я вас ненамного старше: мне тридцать пять.

– Мне скоро тридцать... Но, наверное, при Варе удобнее по имени отчеству – чтобы не путаться. А где она?

Мне уже лучше, и по мере того, как я прихожу в себя, чувство неловкости нарастает.

– Она, наверное, ждет нас в гостиной – обедать. Да-да! Вам надо поесть, даже не спорьте! Вы, наверное, много курите?

– А, вы медик! – догадываюсь я.

– Ну, я давно не работаю. А так – да. Педиатр.

– Мам, ну вы где? Есть же хочется! – На пороге холла показалось кресло с загорелой девчонкой с коротко стриженными светлыми волосами.

Именно кресло: явно дорогое темно-коричневое дерево, сверкающие ободы и спицы колес не вызывают никаких ассоциаций с приспособлениями для инвалидов, а скорее вписываются в один ряд с роллс-ройсами, бентли и всякими гелендвагенами. Легко преодолев порог, девчонка подъехала прямо ко мне.

– Я Варя. – И протянула мне крепкую загорелую руку.

На Варе белые шорты и белая майка, ее короткие светло-соломенные волосы с рассыпающимися и добела выгоревшими рваными прядками почти закрывают глаза, так что ей то и дело приходится их сдвигать или откидывать со лба заносчивым движением головы. Все это очень идет к породистому загару – такой бывает только у настоящих блондинов. Она совсем не похожа на мать – тоже, вероятно, невысокая – мне сложно, ведь она сидит, определить рост, но шире в кости, да и лепка лица иная: круглое открытое лицо с очень гладкой и очень тугой кожей... Мне почему-то кажется, что такие лица были у красавиц-комсомолок двадцатых годов – спортивных улыбчивых барышень в белых носочках и босоножках. Или нет, скорее так: если мать смахивает на балерину, то Варя – теннисистка.

– Смотрите, какие у меня дырки в ногах! – она гордо показывает глазами вниз – на свои щиколотки.

– Прекрати! Нина Серафимовна сейчас упадет в обморок! Пошли есть!

Стараясь не смотреть вниз, на ее ноги – не дай бог действительно отключиться при виде вделанных в щиколотки спиц, я неуверенно встаю из кресла. Впереди бесшумно едет коляска, за ней шествуем мы.

– Ванная здесь, – показывает Юлия Михайловна на коридор слева по ходу.

Как и следовало ожидать, ванная похожа на термы Каракаллы (черт их знает, как они выглядят, эти термы – я в них не была... просто их почему-то часто вспоминал Митя) – много мрамора цвета морской волны, много орнамента и душистого, но не тошнотворного запаха – мыла, шампуня, пены для ванны... Если честно, такие дома – с ванной и туалетом на каждом повороте коридора, с колоннами, подпирающими высокий потолок гостиной, – я видела только на разворотах глянцевого журналов. А такого огромного, во всю стену, окна, как в гостиной, я и в журналах не видела: окно выходит в сад во внутреннем дворе дома, и кажется, что длинный, покрытый белой скатертью стол стоит прямо перед зелено-рыже-красно-желтой рощей. За столом, рядом с Юлией Михайловной и напротив нас с Варькой, сидит тетя средних лет и средней, совершенно не запоминающейся добродушной внешности – уверена, вам знакома такая внеш-

ность с короткими каштановыми волосами и потекшим овалом среднерусского лица.

– Это Галя, наша помощница по хозяйству. Мастер по пирожкам и вообще!.. А вы уже намного лучше! – Юлия Михайловна снова бросает на меня цепкий, но доброжелательный взгляд. – Обязательно выпейте бульон: вам сейчас надо!.. Вы часто так?

– С детства. Слабый вестибулярный аппарат и пониженное давление... ужасно стыдно, чуть что – в обморок.

– Так вам нельзя курить!.. И надо сказать Алексею, чтобы вез аккуратнее. Вечно лихачит!

– Да нет, это не Алексей, это земляника, в смысле, ароматизатор...

– Точно! Мам, скажи ему, я тоже чуть не блевала!

– Варвара! Что за слова! Тем более за столом!.. Нина Серафимовна, пирожки с мясом – слева, с капустой – справа... А кстати, Галь, – Алексей что, уже пообедал? Ему же везти Нину Серафимовну часа через три – пусть посидит с нами.

– Они с Азатом на кухне: у них там футбол. – У Гали грудной улыбчивый голос.

– Ну это святое. Азат – это наш садовник... они с Алексеем болеют за разные команды, кто бы ни играл. А если еще и муж к ним присоединится!.. Он – по очереди – то за Азата, то за Алексея...

– Азат классный! – сказала Варька. – Он вообще не пьет, но, когда папа напьется, они вместе песни орут.

– Варька! Ты нарочно?! Знаете, – снова повернулась ко мне Юлия Михайловна, – Азат – бывший учитель музыки... А у меня мама учительница музыки. Когда она к нам приезжает, общается в основном с ним... Говорит, единственный культурный человек в доме...

– Эт точно! – подтвердила Варька то ли факт бабушкиного высказывания, то ли правду бабушкиных слов.

Я с удовольствием отхлебываю бульон из чашки с двумя ручками по бокам: а и правда, от бульона мне лучше. Мне даже весело, как от бокала шампанского. А ведь я сто лет не ела обычных, домашних вещей. Я уже давно не ем, а питаюсь: с утра овсянка, днем и вечером что придется – банан, кофе с печеньем, суши – и все это, не ощущая вкуса... не для того, чтобы не умереть, а чтобы можно было курить – иначе упадешь в обморок...

А курить, что и говорить, хочется – особенно после бульона, и все же я получаю удовольствие оттого, что я за столом. Мне нравится, что белая скатерть настолько бела, что кажется, что она должна поскрипывать, как снег в ясную морозную ночь, мне нравится, что большие белые салфетки накрахмалены до состояния картона и что их нужно класть себе на колени. И что маленькие золотые пирожки уютно подпихивают друг друга в двух одинаковых корзинках из тоненькой соломки. Корзинки стоят по бокам от горделивой супницы из прозрачно-белого фарфора в тончайших розовых цветах. Мне нравится натюрморт из редиски, помидоров и огурцов,

разложенных на салатных листьях – н а большущем блюде посреди стола, а еще мне нравится прозрачный графин с рубиново-сверкающим клюквенным морсом – ясно, что домашний: на поверхности плавают ягодки, и мне нравится его наливать в стройный высокий стакан: все мы, включая Галю, сами накладываем себе еду, и мне это тоже очень нравится.

– Но нам, наверное, пора. Спасибо. Все необыкновенно вкусно. – Я неохотно поднимаюсь из-за стола, и мы с Варькой – она впереди, я за ней – обреченно направляемся к ней в комнату.

Никогда бы не подумала, что у шестнадцатилетней девочки может быть такая комната – большая и безликая: пафосные шторы из тяжелого бежевого бархата, огромный светло-бежевый диван из очень мягкого плюша или хрен-его-знает-чего, белая шкура на полу, прозрачный журнальный столик, помпезное зеркало над комодом светлого дерева и почему-то коричневый письменный стол с двумя коричневыми стульями – как будто их в последний момент впахнули в уже готовый бежевый интерьер куда-то поближе к окну, но и недалеко от дивана...

– Вообще-то это комната для гостей – знаете, когда они напились и остаются на ночь... А моя на втором этаже – я по ней жуть как соскучилась... Я вам потом покажу – у меня классно! Но не лифт же делать... А правда у меня офигительная коляска? Я выбирала по каталогу – папа ее в Швейцарии заказал.

Получив от меня безмолвное подтверждение офигительности коляски и увидев, что я достаю из сумки тетрадь, Варька поскугнчала лицом.

– Пушкин? Мама сказала, стихи разбираться будем.

– Будем. А ты... да, а к тебе можно на «ты»? Спасибо. А ты потом отрывки – наизусть... Ну надо: без этого – никак.

Мысленно поблагодарив Варьку за то, что она переломала ноги на Пушкине (я еще не повторила Лермонтова), я сказала:

– Слушай, мы не будем выходить за пределы программы, но есть некоторые стихотворения, по которым легче запомнить другие – программные в том числе. Понимаешь, они как бы вбирают в себя сразу несколько произведений... Ну как будто это наброски, творческие зарисовки, замыслы...

Варька явно изнывала и от набросков, и от замыслов. И тут я отчетливо поняла: три академических часа (то есть два часа пятнадцать минут) со скучающей Варькой я не выдержу. Я сдохну. И покурить не выйдешь – наверное, никто бы не возражал, но после моего недообморока как-то неловко... Знаете, в чем плюс групповых занятий? А вот в чем: даже если всякие Милы смотрят на вас, как на кусок дерьма, а всякие Червячилы отслеживают всю вашу лагу и фиксируют случаи вашего вопиющего непрофессионализма, у вас есть Вася! И когда Васе станет совсем неумоготу слушать про мотив пути в творчестве Пушкина, вы всегда можете сказать:

– Вася! А вы читали «Телегу жизни»? А я знаю, почему

не читали: вам мама запрещала читать неприличные стихи с использованием ненормативной лексики... Ну, нехороших слов... Нет-нет, в «Телеге жизни» их вроде бы и нет, а... вроде и есть... Как так? А рифма. Рифма подсказывает нам знакомое с детства выражение... Да, кажется, двадцать третий... или двадцать четвертый год – конец Южной ссылки.

Вы ведь не сомневаетесь, что Вася в ту же секунду отыщет нужное стихотворение – пусть для этого потребуется отнять книгу у Червячилы, предварительно ткнув того в спину кулаком? Вы же не сомневаетесь, что Вася с наслаждением заведет:

– С утра садимся...

Вы можете сколько угодно кричать:

– Нет, Вася, нет! Вася, не надо!

Но орать поздно, раньше думать надо было, а сейчас слушайте – всем сердцем, всем классом слушайте музыку Васиной декламации:

С утра садимся мы в телегу,

Мы рады голову сломать.

И презирая лень и негу,

Кричим: пошел, ...

И не надейтесь: никакой дружный хохот не сможет перекрыть Васиного победного клича.

– А можно я включу эту цитату в свое сочинение? – Савелий-справа нагленько смотрит на меня сквозь марево всех

своих пламенеющих прыщей.

– Не советую: в тексте же выражение заменено точками. А вдруг автор имел в виду какое-то другое слово?

– А какое? – Савелий демонстрирует искреннюю заинтересованность.

– Нина-Серафимна! А где еще у Пушкина такое? – интересуется Вася.

– У Пушкина?.. А знаете, Вася, есть ведь другие поэты: Маяковский, например...

– А что Маяковский?

– О! Я знаю! – Карен, не вставая, объявил: «Нате!». – И тут же засомневался: – Или «Вам»?.. Да оба классные!

– А еще «Облако в штанах», – сказала я.

– Позвольте! – поднялся Червячила. – В «Облаке...» нет...

– Да, там нет непечатных слов в напечатанном виде... то есть там так же, как у Пушкина, – рифма. А еще ритм! – говорю я.

– Разве? – задумался Червячила. – Что-то я не припомню...

– А, Червячила! Попался? – ликует Вася. – Нина-Серафимна, а повторите название...

– А знаете, как это называется? – в меня упирается дерзкий и беспощадный взгляд Милы. – Дешевый популизм. Типа такой продвинутый учитель: и про мат все знает, и самостоятельные до сих пор не проверил...

Но вот что мне в этой гадюке больше всего не нравится? Брезгливое выражение лица, которое с возрастом превратится в вечно недовольную мину, как у скисших теток? Умение ткнуть в больное место – прямо ржавым гвоздем ткнуть, да еще и провернуть два раза? А может, ты, Ниночка, просто завидуешь? Шестнадцати годам завидуешь, совершенству фигуры, незагаженной перспективе юной жизни, новой сумке модели «планшет»? Нет, пожалуй, нет: не люблю я сумки-планшеты. Не мое это. Вот у Зои – сумка модели Birkin – мое... В смысле, конечно, ее, Зоино, но и мое – тоже. А Мила – это чужое. И даже враждебное – не потому враждебное, что я Милу явно раздражаю, а потому враждебное, что Мила меня явно раздражает. Знаете, есть такие люди, на которых посмотришь – неважно, молодые они или старые, красивые или не очень, но ты смотришь на них, и тебе становится до смерти скучно... Ты даже не знаешь, отчего это, но все, что до этого казалось голубым и зеленым, вдруг становится сероховато-серым. Надеваешь ты, скажем, бабулино любимое колечко – серебряное, с маленьким аметистом, и то и дело поглядываешь себе на палец с точечкой сиреневого предвечернего неба, и вдруг слышишь:

– Это серебро? И камешек недорогой. Миленько.

У Лики все было миленько: и мое бабулино колечко, и моя юбка в клетку («Сейчас все носят такую, но на тебе миленько»), и подгоревшие тосты... Хотя нет, когда во время чаепития в честь моего двадцатидевятилетия я сожгла то-

сты, а Митя вопил: «То есть муж с зубами тебя не устраивает? Это такая закуска типа “Я вас умоляю”?», а благородный Подкормкин безмолвствовал и робко смотрел на Митю, Лика кротко сказала: «А что? Оригинально»... Наверное, и нетронутые самостоятельные у Лики были бы миленькими или оригинальными.

– ...Вы ошибаетесь, Мила: самостоятельные я давно проверила! И проверенные работы я раздам сразу после зачета по стихам Пушкина, чтобы мы уже вместе могли исправлять и переписывать... «Ага-ага! Кого мы лечим! Проверила!» – читается в Милином немигающем взгляде. – «Это вам не запрещенную литературу рекламировать»...

...Но с Варькой «Телега жизни» не прокатит: не буду же я с больным ребенком изучать obscene лексикю... Да и мама ребенка в соседней комнате. И, беззвучно вздохнув, я начала:

– Пойдем по пути хронологии – от ранней лирики и стихотворения «Деревня», в первой части которого...

Видели, как маются маленькие дети? Как они чешут переносицу, коленку, снова переносицу, как они потягиваются, роняют тетрадку, вздыхают, снова чешут коленку, опять переносицу, с немой мольбой поднимают глаза к люстре, проваливаются в счастливое бездумье, висают с философским лицом в параллельных мирах, так что вы можете дважды повторить про *стихотворение стихотворение Пушкина Пушкина*, а потом включить в речевой поток какое-нибудь

слово, скажем «трансцендентально» – просто чтобы посмотреть, что будет, а потом снова повторить про *стихотворение стихотворение*? Видели? Тогда вам можно не объяснять, как сложно не заорать «Уррра!», когда к вам в комнату заглядывает мама ребенка:

– А не пора ли сделать перерыв? У нас чай!

Какие, однако, чудные мамы проживают в Горках! Тонкие, интеллигентные и деликатные! И кто бы мог подумать, что подростки настолько любят чай. И что их преподы любят его с не меньшей скоростью! Нет, все-таки с меньшей: Варька на своем «Бентли» обогнала меня на самом повороте в гостиную. Я, конечно, попыталась сохранить преподавательское лицо:

– Но только недолго – мы должны сегодня закончить с лирикой.

На этот раз мы за столом без Гали и без бульона в молочно-белой фарфоровой супнице. Зато к пирожкам добавились конфеты в синей фарфоровой вазочке.

– Варька, походи позвони папе – узнай, когда он вернется!

– Можно было просто попросить меня выйти! – беззлобно огрызнулась Варька и, захватив горсть конфет в сверкающих обертках, покатила к себе. – Нина-Серафимна, не забывайте, что я вас жду, но не очень спешите! – И засмеялась, помахав свободной от конфет рукой.

Юлия Михайловна подождала, пока Варька скроется за поворотом, и протянула мне конверт:

– За два занятия вперед.

– Спасибо.

Я не испытала ни малейшего смущения, просто взяла деньги и все.

– Совсем недавно развелись? – вдруг спросила она.

И осторожно, но спокойно посмотрела на меня.

– Третий месяц. Но мы еще не оформили развод... А что, так заметно?

– Ну так... заметно, – мягко улыбнулась она.

Я почувствовала, что у меня зачесался кончик носа.

– Все будет хорошо, я уверена. Правда-правда, можете мне поверить: я это пережила. Только я была на втором месяце беременности...

– А Варькин папа?

– Неродной: мы поженились, когда Варьке было пять лет. Он мой бывший однокурсник. Как видите, Варька называет его папой... Так что не сомневайтесь: вы выдержите. Еще пару месяцев поумираете, и – бросайте курить! Как врач вам говорю.

Это был первый мой разговор об этом – не верите? Придется поверить. И дело не в том, что бабули уже нет, а папа есть, но с Аней и в Америке, и не в том, что с Пузырем я никогда не откровенничала – с чего бы? – просто однокурсник, а Алена уехала в Англию, оставив мне свои записи и группу учеников... а в том, что лишь одному человеку на свете можно было бы рассказать все, и только один человек мог

бы все понять и найти самые верные, самые важные, единственно нужные слова:

– Зато у тебя длинные ноги!.. Ну, не самые длинные, конечно, но... Иди сюда, проверим!..

Или:

– Не грузи! Пойди съешь шоколадку, и поехали кататься! А все остальное мне не нужно. И разговоры с вами мне не нужны...

– А машину вы зря не забрали, – сказала Юлия Михайловна.

– Нет, не зря: во-первых, деталей на нее не напасешься – она до того стара, что соседи умоляли вывезти ее из двора, чтобы детей не пугать, а потом порывались сами ее вывезти... А еще я боюсь ездить, когда нет... ну, кто знает, что ты уехала на машине, ну...

– Да, я понимаю. Я, между прочим, не вожу – боюсь. А Варька уже умеет – отец научил... Ждет не дождется восемнадцати... Да, у меня есть забавная фотография. Сейчас покажу! – И Юлия Михайловна быстро встала из-за стола и вышла из гостиной.

Почему-то принято считать, что ничто так не утомляет гостей, как фотоальбомы хозяев – с детьми, собачками, двоюродными тетушками бывшего мужа. Но я люблю рассматривать эти вещественные доказательства существования времени... ну да: когда вы перелистываете страницы фотоальбома, вы как будто застукали время за его работой – под-

час созидательной, иногда вполне творческой – ну, как можно было превратить этот овощ неизвестного пола в жизнерадостную девушку? Но чаще, что и говорить, разрушительной: за что так жестоко с жизнерадостной девушкой? За какие грехи ее обратили в дружелюбно улыбающийся, но абсолютно беззубый сухофрукт?

– Вот! – Юлия Михайловна положила передо мной фотоальбом, открытый на фотографии хохочущего шести- или семилетнего мальчишки, сидящего за рулем навороченного взрослого мотоцикла – наверное, «Харли Дэвидсона».

Мальчишка в малиновых шортах и белой футболке гордо выпятил грудь, демонстрируя рисунок на груди – Барби в розовом наряде принцессы.

– Узнаете? Варька. Ей здесь восемь. Муж ее брал с собой кататься на мотоцикле. По секрету от меня... Вообще, она не в меня – я трусиха, а Варька – и на скейте, и на скутере, вот, смотрите. В детстве – настоящий пацан.

И Юлия Михайловна начала перелистывать страницы фотоальбома – Варька на велосипеде, Варька на роликах, снова на велосипеде – и везде с улыбкой во весь рот – как у Кэмерон Диас. На некоторых фотографиях рядом с Варькой – сама Юля, маленькая, похожая на подростка, на некоторых – коренастый дядька, губошлеп с добродушными свиными глазами и намечающимся животом.

– Это Валера. Муж. Так не видно, а в жизни он очень обаятельный, – сказала Юля. – Но главное – обожает Варьку.

– Мам! Я устала. У меня болит голова.

Я не услышала, как к нам подъехала коляска. Варька приблизилась к матери и смешным доверчивым движением вытянула шею – вперед и вверх, как маленькие дети, когда они подставляют голову, чтобы им потрогали лоб – проверили температуру.

– Может быть, на сегодня хватит? – Юлия Михайловна приложила ладонь к Варькиному лбу. Помотала головой: температура нормальная. – А вы нам дадите большое домашнее задание. А?

Я замялась: занятие-то оплачено целиком, а мы страдали только час, но, взглянув на Варькино жалкое лицо, я сказала:

– Хорошо! Но тогда вы вдвоем – да-да, вдвоем! – выучите цитаты из всех программных стихотворений! А я в следующий раз начну с проверки. Идет?

– Опа! – удивилась Юлия Михайловна. – То есть я тоже должна зубрить? Типа меня тоже проверять будете?

– Да-да-да! – обрадовалась Варька. – Мы согласны.

– А иначе не получится... – сказала я. – Честно, я стихи знаю только потому, что со мной бабушка зубрила.

...А все-таки жаль, что Варька не выучит «Телегу жизни», ведь в этой телеге – развернутая метафора, что бы там Мила вчера ни говорила... Нет, ну точно метафора, говорю я вам...

– А не сравнение? – в Милином голосе звучит нескрываемая издевка. – Насколько я знаю, метафора – это скрыва-

тое сравнение, а здесь прямо сказано: «Ямщик седой – лихое время»...

– Да, наверное, все-таки сравнение, – признаю я. – Вы правы: пушкинской телегой правит само время, и это четко сказано... Но ведь у Пушкина время – это не только утро, вечер, это еще и юность, старость... Тогда... постойте! Тогда здесь есть еще одна параллель – день как жизнь. И это, пожалуй, все-таки метафора – она ведь убрана в подтекст... Да, метафора, а не сравнение! И – развернутая метафора, поскольку она держит, организует все стихотворение. Ясно?

– Да ясно, ясно. Ежу понятно! – говорит Мила с раздражением.

– Ну вот видите! – показываю я на Милу открытой вверх ладонью. – Ежу понятно, едем дальше...

– Ч-т-о-о-о??? – Мила возмущенно вскидывается на меня под радостное Васино «Мила – еж... ну так что ж!»

Савелий-слева начинает отстукивать ритм по парте:

– Давай, Василий, повторяй «Мила...»

– Мила еж, ну так что ж... В сердце дрожь... – Вася на секунду замирает, подыскивая рифму...

– Не уймешь! – заканчивает Савелий-слева.

А он, если свести прыщи, довольно симпатичный мальчишка. Через год-другой прыщи сойдут, и будут видны черты лица – острые скулы, твердо очерченный рот. Точно симпатичный! Немного ушастый, но, когда заматерее, это будет придавать ему мальчишеский шарм. Как у Майкла Монта –

это из «Саги о Форсайтах», если не читали.

– Мила еж... – Савелий и Вася радостно выстукивают ритм.

– Вам нравится?? – Мила даже привстает из-за парты.

Ну, конечно, мне нравится, хотя и не совсем: слишком все прямо, не хватает синкоп. Ну, в смысле, драйва и грува – когда фраза качается, ломается и спотыкается, как у Маяковского или Эминема... А как же тогда? А! можно убрать «ну так что ж» – и оставить просто «что ж»: Мила еж – что ж?..

– Может быть, подпевать начнете? – у Милы от бешенства твердеет лицо.

– Ой, простите! Вася, Савелий! Прекратите немедленно! – фальшиво возмущаюсь я.

...Нет, все-таки надо было Варьке задать «Телегу...». Ведь в этой пушкинской телеге, как в лукошке, сидит вся еще не вылупившаяся русская литература с ее неизбывной любовью к дуракам и дорогам, потому что куда же мы без дураков и дороги и какой же дурак не любит быстрой езды? И Гоголь любит – и бричку, и птицу-тройку любит, и Лермонтов любит – хоть проселочным путем скакать в телеге, хоть на гордом скакуне летать по дорогам Кавказа, и Набоков любит – у него в детстве был шикарный велосипед – бабуля говорила, что Набоков об этом где-то писал...

А мне сойдет и «мерседес». Пусть чужой, зато с дружеским шофером Алексеем и без ароматизатора под зеркалом заднего вида...

– А мне сказать не могла? Хороший ароматизатор из-за тебя выкинул... Чего сразу жаловаться-то? – незлобиво ухмыляется Алексей уголком рта: я сижу уже не сзади, а на сиденье справа.

– Так я не сразу поняла. Только когда подъехали. Методом дедукции.

– Это как? – смеется Алексей.

– Очень просто, меня бабушка научила: когда тебя мутит или тошнит, вспоминай все, что ела в течение дня, и, когда дойдешь до того самого деликатеса – организм подскажет! А я с утра – только овсянку, но почему-то вспомнила землянику...

– Ну ты прям Шерлок Холмс!

– А я что говорю!

Я смотрю в темнеющее окно: мы въезжаем в город, и вместе с нами в него въезжает вечер, и золотистые одуванчики фонарей мягко парят в густеющей синеве. И хотя меня никто не ждет, меня вдруг охватывает ощущение беспричинного и бездумного счастья. Как в детстве, когда ты возвращаешься из гостей, из хороших и добрых гостей, в свой хороший и добрый дом. И когда ты видишь светящиеся тебе навстречу окна – даже и не свои окна, а окна соседей, пусть даже окна Варфоломея, тебя окутывают покой и безмятежность. Просто потому, что впереди свет. И пусть сегодня меня манит другой свет – огонек еще не выкуренной сигареты – мне хорошо.

4

Ноябрь

Из двух друзей один всегда раб другого...
М. Ю. Лермонтов

– Потому что – ну как ты не поймешь? – в произведении главное не сентенции, которые лежат на поверхности и могут быть, в сущности, банальными или провокативными – чтобы читатель захотел разозлиться, поспорить с автором, в произведении главное – образы: вот где зарыта истина, и эта истина может вступать в противоречие с тем, о чем вещают сентенции, – я, кажется, битый час объясняю Варьке, что, помимо сюжета и высказываний героев в романе Лермонтова, как, впрочем, во всяком вменяемом романе, есть образный ряд, включающий в себя не только образы главных героев, но и – страшно подумать! – лошадей, а то и баранов.

– А это почему? – спросила Варька, внимательно изучая мягкие складки бежевой гардины.

Почему?! Что – почему?! Почему – что?! Нет, вот если бы она спросила «зачем», я бы, может быть, поняла, но – «почему»?! Меня обуял гнев: «Почему»? «Почему»? ???!!

Я молчала – не потому, что ответа не требовалось: Варька, кажется, и не помнила про свое «почему», но потому я молчала, что ждала, когда уйдет гнев, чтобы не дай бог не

ответить, почему... Но гнев не уходил: «почему-почему-почему!» – багрово пульсировало в надбровных дугах – почему, почему, почему она мне не родственница – я бы так бы ей врезала! И тут я представила себе, как я бы ей врезала, я прямо ощутила саднящий ожог на ладони от короткого скользящего подзатыльника и на секунду испытала ни с чем не сравнимое счастье: ох, как хорошо! ох, как бы я ей врезала!.. Но – нет, никакого счастья: не врезала бы – у нее спицы в ногах. И я только вздохнула: нельзя бить больных детей, да еще в доме их родителей, да еще если тебе хорошо платят, возят на хорошей машине и кормят вкусными вещами. Но врезать хотелось, потому что вопрос не просто перечеркивал все мною сказанное, вопрос высвечивал с неотменимой отчетливостью: дети отключились где-то на слове «сентенция», а слово «провокативный» отшвырнуло детей далеко за пределы русской классической литературы, и дети вежливо намекнули мне, чтобы я со своими провокативными сентенциями шла далеко за пределы русского литературного языка.

И тогда я решила разозлиться на Нину-Серафимну: а нечего цитировать Червячилу! «Провокативный»! Нашли перед кем выпендриваться – перед больным ребенком, который сделал бы вас, Нина-Серафимна, на раз, если бы речь шла о шмотках, горных лыжах и роликовых коньках. Не говоря уж о шмотках, танцах и любви – здесь бы вы, уважаемая, скромненько себе помалкивали, если, конечно, при вас вообще завели бы такой разговор. Признайтесь честно, та-

кие девчонки, как Варька и ее мама, никогда не дружили с вами, и не потому что у вас никогда не было шмоток, танцев и любви, а потому что с вами просто невозможно говорить о шмотках, танцах и любви! А вам, наверное, хотелось, ой как хотелось, особенно в детстве хотелось – о танцах и любви? Ну, признайтесь, хотелось же? Но Нина-Серафимна упорно не признавалась, как будто говоря своим угрюмым молчанием: нет, это тебе, Ниночка, хотелось, а мне скучно. Скучно – о сумках?! О прогулках на яхте?! С шампанским?! С музыкой??? Да полно врать, почтенная! И я окончательно разозлилась на Нину-Серафимну с ее лживыми сентенциями. Я окончательно поняла, что никогда не смогу подружиться с Ниной-Серафимной, даже если она будет за меня готовиться к занятиям, сидеть в библиотеке, читать сочинения – все равно не смогу. Не смогу, потому что дружба все-таки базируется не на выгоде, а на чем-то еще. Иначе это не дружба, а подлость, потому что это ложь и конъюнктура. Ведь дружба – это когда тебе от друга ничего не нужно, ничего-ничего – кроме дружбы. И ему тоже. Или ей – что бы там Мила с Печориным ни говорили. А они – ну, то есть, конечно, она, Мила, – они вчера говорили:

– Один из друзей всегда раб другого – вот вам и вся тема дружбы по Лермонтову, – сказала Мила. – Никогда такую тему не дадут по Лермонтову. По Пушкину – запросто: хоть по лирике, хоть по романам, а по Лермонтову – нет. Тему одиночества – вполне, но не дружбы.

Я хотела возразить, что можно ведь и связать эти две темы – дружбы и одиночества – с вязать, чтобы подчеркнуть, что лермонтовские герои тоскуют по единению с миром, что они страдают как раз от того, что это единение недостижимо – ни в светском обществе, ни в мире «простых людей», я хотела напомнить про стихотворение «Сосед», про поэму «Саша», про «Монолог» и «Думу» наконец, но меня опередил Савелий-слева.

– А я так не думаю, – сказал Савелий-слева. – А вы? Нина-Серафимна, вы согласны, что из двух друзей один всегда раб?

– А к вам, к Савелиям, это не относится, – сказала я. – У вас, у Савелиев, всегда паритет.

– Я серьезно, – обиделся Савелий.

Мне стало стыдно:

– Мне сложно сказать, и потом, дело же не в том, как думаю я, а в том, как думает Лермонтов...

– А вы-то как думаете? – не отставал Савелий.

– А я думаю, – вздохнула я (вот прицепился!) – я думаю, что все-таки возможна дружба, основанная не на подчинении, а на взаимном уважении, взаимном интересе, что ли. Вот, допустим, ты (ну, в смысле, конечно, вы, но мы же сейчас вроде друзья – значит, «ты») хорошо рисуешь, а я, допустим, так не могу. И дело ведь не в том, что ты кисточку в руках держать умеешь, а в том, что ты видишь мир не так, как я – раз ты художник, значит, воспринимаешь все как-то

иначе, острее что ли... при том, конечно, что у нас совпадает система нравственных ценностей – иначе как бы мы дружили, если бы ты захотел убить, допустим, Грушницкого, а я бы, скажем, была против, я бы ведь должна была или тебя отговорить, или вообще с тобой не дружить.

– Так они с Вернером и не дружили, они – приятели! – сказал Савелий-слева.

– Вот именно, а друг – он бы морду набил, поссорился, застрелил бы в конце концов, но убить не позволил.

– Вот оно как! Так это, оказывается, Вернер виноват, что Печорин Грушницкого убил, – лениво протянула Мила. – Свежая интерпретация.

– Конечно, – я даже не взглянула на Милу. – Он – слабак. Спасовал перед Печориным, Недомефистофель.

– А можно я это в сочинении напишу? – не унималась Мила.

– Слушай, достала! – бросил Савелий-слева, тоже не поворачиваясь к Миле, и – мне: – Ну, и...

– Ну, и... Короче, понятно: мы не будем убивать Грушницкого. А в остальном мы, то есть не мы, конечно, а в смысле друзья – разные. Потому что ты – другой. То есть вроде у тебя и мой мир, а вроде и другой, то есть ты мой мир видишь как-то не так. А как? А что ты думаешь о предопределении? О судьбе? А я думаю... Я думаю, что друг – это не другой я. Это другой мир. Дружественный, но очень другой. И потому очень интересный. Но это бывает редко.

И пока я несла всю эту хрень, еще не зная, чем она может закончиться, мне становилось все грустнее и грустнее, потому что чем дольше я ее несла, тем отчетливее я понимала, что друг – это Подкормкин. И что он у меня был, ну не у меня, так у Мити, но все-таки и у меня.

– А разве не Лика? – удивитесь вы. – Мы думали, что ты дружила с Ликой. Или ты, Ниночка, хочешь сказать, что Лика – раб?

Нет, я не хочу сказать, что Лика раб, я хочу сказать, что Лика – говно. А еще паскуда, мразь, тварь, воровка... Я хочу сказать, что она – лакей, потому что она – подлый холоп.

– Стоп-стоп-стоп! – закричите вы. – А ты, Ниночка, ты, можно подумать, такая замечательная, такая благородная, возвышенная и утонченная, настолько утонченная, что не можешь удержаться от бабской злости? Как это пошло, Ниночка, как банально! – И вы даже головой покачаете от досады и разочарования. – А, может быть, ты, Ниночка, тоже в чем-то перед нею виновата? Не думала об этом?

Я? В чем? В том, что позволяла занимать себе место в аудитории, когда все-таки приходила на лекцию или семинар? брать мне книги в библиотеке? писать за меня шпоры?

– Но ты же принимала это? Тебе было удобно?

Да, удобно, но я же не просила... Ну, хорошо, просила, но это уже потом, а сначала... Я попыталась вспомнить, как это было сначала и как я вообще начала дружить с Ликой – и не смогла. И не потому не смогла, что я всегда дружила

с Ликой, а потому не смогла, что Лика, кажется, всегда дружила со мной. А с вами такого не случилось? – вы входите в аудиторию, в которой никого не знаете, потому что вас опять оставили на второй год, и вдруг кто-то кричит вам:

– Нина (Зоя, Савелий – выберете нужное)! Иди сюда, я занял(а) тебе место! – И радостно показывает на пустое место рядом с собой.

И вы несетесь к этому пустому месту, судорожно соображая, кто это вообще такой (такая) и как его (ее) зовут, несетесь, улыбаетесь – потому что вы благодарны ему (ей) за такую неподдельную о вас заботу, улыбаетесь и думаете, как бы не сплеховать, как бы не показать, что вы впервые его (ее) видите. Ведь у вас нет маразма и вообще-то очень неплохая память на лица, и потому вы немного обескуражены и в то же время (что греха таить?) польщены – раз вас знают уже и на новом втором курсе вечернего отделения, значит, вы не последний человек на факультете.

Правда, есть у вас еще одно соображение, которое вы загоняете на задворки подсознания, поскольку вам немного стыдно за это соображение, но оно все же вылезает из задворков и говорит вам: «А, может быть, Ниночка, ты просто раньше считала, что этого человека нет? Да что там считала! Даже говорила!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.